

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

HARLEQUIN®

Шантель Шоу
В ПОГОНЕ
ЗА ЛЮБОВЬЮ

Шантель Шоу

В погоне за любовью

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158820

В погоне за любовью: Радуга; Москва; 2007

ISBN 978-5-05-006565-0

Аннотация

Роман начинающей журналистки Идеи и знаменитого гонщика Рейфа Сантини закончился печально. Иден порвала с ним, оскорбленная тем, что он обвинил ее в измене. Спустя четыре года они встречаются вновь...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	40
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	58
ГЛАВА ПЯТАЯ	71
ГЛАВА ШЕСТАЯ	85
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	96
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	111
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	123
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	132

Шантель Шоу

В погоне за любовью

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«...А теперь к местным новостям. Вчера в «Гринейкс», центр реабилитации больных с травмами позвоночника, прибыл неожиданный посетитель. Чемпион «Формулы-1» Рафаэль Сантини прилетел туда на вертолете и, пообщавшись с пациентами и персоналом, сделал крупное пожертвование. По заявлению заведующей «Гринейкс» Джин Коллинз, все остались довольны этим визитом, – тараторил радиоведущий. – Готов поспорить, больше всех обрадовались женщины. Репутация Сантини вне трассы не менее легендарна, чем его репутация гонщика, если вы понимаете, что я имею в виду! Прежде чем перейти к прогнозу погоды, скажи, Кейт, что ты думаешь о Рейфе Сантини?»

– Признаюсь, Брайан, я нахожу его сексуально привлекательным, но вернемся к погоде...»

Раздраженная веселым голосом ведущей, Иден выключила радио и уставилась на медленно ползущую вереницу автомобилей. Ну почему ремонтные работы на дороге начались именно сегодня?! Она нетерпеливо барабанила пальцами по рулю, не желая признавать, что ее напряженное состояние

в большей степени связано с волнением, чем с опозданием. Подъехав наконец к отелю, Иден подумала, что вчера вечером ей не следовало пить второй бокал вина. Из-за этого она проспала и у нее раскалывалась голова.

Ее высокие каблуки постукивали по мраморному полу фойе; мимолетный взгляд, брошенный в зеркало, убедил Иден в том, что она выглядит сдержанно и элегантно в кремовом брючном костюме и заплетенными в косу светлыми волосами. Но под маской внешней невозмутимости пряталось смятение. Иден мысленно отругала себя: у нее нет причин для беспокойства.

– Вы опоздали, – произнес с итальянским акцентом охранник, глядя на ее удостоверение. – Пресс-конференция уже началась.

– Я тихо проскользну, – пообещала Иден. Она очень на это надеялась. Последнее, чего ей хотелось, – это привлечь к себе внимание. Если бы она приехала вовремя, то уже находилась бы среди других журналистов, никем не замеченная.

В конференц-зале яблоку негде было упасть, и это ее не удивило. Рафаэль Сантини редко давал интервью. Он ненавидел прессу, в то время как та сообщала о каждом шаге гонщика, вмешиваясь в его частную жизнь. После того, как три года назад с его братом Джанни произошел несчастный случай и газеты сообщили, что в аварии виноват Рейф, его ненависть к папарацци стала патологической. Даже будучи побе-

дителем «Формулы-1», отвечая на вопросы журналистов, он ограничивался несколькими сжатыми фразами.

Только опустившись в одно из свободных кресел в последнем ряду, Иден осмелилась поднять глаза и посмотреть на сцену. Она все утро готовилась к этому моменту. Узнав, что ей снова предстоит встретиться с Рейфом, она несколько дней была сама не своя. Когда девушка увидела его поразительно красивое лицо, ей пришлось сделать глубокий вдох и снова отвести взгляд.

Рафаэль Сантини выглядел усталым, но старался скрыть это под маской вежливой заинтересованности. Точеные черты лица, орлиный нос и черные глаза, блестевшие из-под густых черных бровей, действовали как магнит на всех женщин, сидевших в зале. Но даже издали Иден заметила, как ему не терпелось поскорее уйти, как твердо были сжаты его губы, как он вертел в руках ручку. Его губы улыбались, но глаза оставались холодными. Когда Рейф посмотрел в ее сторону, его тело внезапно напряглось, и Иден вжалась в кресло. Разумеется, Сантини не мог знать о ее присутствии. Ему было известно, что она работает журналисткой в Уэллворсе. В конце концов, они ведь именно там и познакомились. Он может предположить, что она сохранила связь с центром реабилитации, но вряд ли ожидает увидеть ее на пресс-конференции. Возможно, ей это просто показалось.

Но неужели он с самого начала не понял, что она здесь? Они оба обладали шестым чувством и могли ощутить бли-

зость друг друга даже в переполненной комнате. Иден давно забыла об этом и сожалела, что воспоминания посетили ее в столь неподходящий момент. Она знала Рейфа как страстного любовника, который потрясающе занимался с ней сексом, но не более того. Она порвала бы с ним сама, если бы он не сделал этого раньше на глазах у посторонних. Иден до сих пор не могла забыть ту боль, которую он причинил ей этим поступком. Мысли о былой страсти вихрем ворвались в ее размеренную жизнь.

Какая-то женщина из первого ряда спросила Рейфа, что он думает о своих шансах на победу в кубке Сильверстоуна, и он немного расслабился; от его сексуальной улыбки у Иден по спине побежали мурашки.

– Я не думаю, – ответил Сантини с присущей ему беспечной надменностью. – Я собираюсь выиграть. Машина в отличной готовности, и я тоже, – хрипло добавил он, подмигнув молодой журналистке, которая, очевидно, подпала под действие его чар. На это зал ответил взрывом хохота. Рейфа не зря окрестили Итальянским Жеребцом: рассказы о его многочисленных любовных похождениях не сходили со страниц бульварной прессы.

Стиснув зубы, Иден достала из сумочки блокнот. Пусть другие журналисты задают вопросы, а она по крупницам соберет информацию. Клифф будет разочарован: она не возьмет эксклюзивное интервью у Рейфа Сантини. Когда-то Иден, подобно той молодой журналистке, не устояла перед его оба-

нием, но она больше не та впечатлительная девчонка, которая влюбилась в легкомысленного плейбоя.

Иден знала, что Клифф Харли, ее старый друг и редактор «Уэллворс газетт», рассчитывал получить подробный отчет о жизни многократного чемпиона «Формулы-1».

– Давай, Иден, если кто-то и может вытянуть из Сантини хорошую историю, то только ты.

– Рафаэль Сантини ненавидит прессу, – возразила она. – К тому же он не собирается давать интервью. Мне кажется, он согласился принять участие в этой пресс-конференции лишь для того, чтобы объявить во всеуслышание, что «Сантини корпорэйшн» скупил все оксфордские предприятия, занимающиеся производством спортивных автомобилей.

– Да, но твое преимущество заключается в том, что вы с Рейфом были близкими друзьями, – поддразнил ее Клифф, и Иден покраснела. Да, она была настолько близко знакома с Рейфом Сантини, что даже сейчас, четыре года спустя, помнила, какова на ощупь его мускулистая грудь.

– Моя дружба с Рейфом закончилась уже давно, – сухо произнесла она, не обращая внимания на издевку Клиффа. Они с Рейфом никогда не дружили. Иден была его любовницей, сексуальной партнершей, которую он любил выставлять напоказ, но этим их отношения и ограничивались.

– Мне нужна подробная информация, – сказал ей Клифф. – Я хочу знать, о чем думает Сантини, что он чувствует перед гонкой. Мне нужна вся правда об этом человеке.

ке.

– Ты хочешь знать, с кем он спит, – язвительно перебила его Иден. Пять лет назад они начинали вместе в качестве младших репортеров в «Газетт», но с тех пор их жизнь складывалась по-разному. Клифф остался в Уэллсворсе, женился на своей подруге детства и дослужился до редактора, а Иден завоевала себе репутацию бесстрашного и уважаемого корреспондента, ведущего репортажи из раздираемого гражданской войной Кот-д'Ивуара. Она провела там последние три года, и сейчас ей было нужно немного отдохнуть и поправить здоровье.

Иден пообещала своим родителям, что весь отпуск будет отдыхать, но через месяц пассивного времяпровождения начала лезть на стенку, и поэтому предложение Клиффа поработать в «Газетт» пришлось как нельзя кстати.

– Но я не буду заниматься аморальными вещами, – предупредила она, выходя из кабинета Клиффа. – За год, проведенный с Рейфом, я поняла, что чувствуешь, когда видишь свое лицо на обложке какого-нибудь бульварного издания и читаешь о себе всякую чушь.

Отогнав неприятные воспоминания, Иден сделала несколько заметок. Рейф заявил, что не собирается в ближайшем будущем отказываться от участия в гонках. Если верить слухам, Фабрицио Сантини, его отец, не вполне здоров. Несомненно, его подкосило то, что его младший сын Джанни в результате произошедшего с ним несчастного случая ока-

зался парализованным. Поговаривали, Фабрицио собрался передать бразды правления «Сантини корпорэйшн» Рафаэлю, но Иден не воспринимала это всерьез. Рейф никогда не бросит гонки; жажда скорости и соперничества у него в крови. Именно благодаря ей ему уже много лет не было равных в этом виде спорта.

Рейф не был похож на других мужчин. Неистовая натура побуждала его к риску, который другие считали сумасшествием, но это помогало Рейфу одерживать победу за победой. Многие стремились походить на братьев Сантини, однако их соперничество перешло все границы и привело Джанни к ужасной катастрофе.

В конференц-зале было жарко, и толстый журналист, сидевший рядом с Иден, начал обмахиваться блокнотом и уронил на пол ручку. Наклонившись за ней, он пролил Иден на колени горячий кофе. Девушка вскрикнула и подскочила на месте.

– Ой, простите, я нечаянно, – пробормотал он, отчаянно пытаясь вытереть расплзающееся пятно бумажной салфеткой.

– Пожалуйста, молодая леди в последнем ряду, – произнес агент Рейфа. За этим последовало напряженное молчание.

– Он имеет в виду вас, – прошептал Иден один из репортеров, и она, покраснев, поспешно села.

– У меня нет вопросов, – пробормотала она, а репортер нетерпеливо бросил:

– Ради бога, придумайте же что-нибудь, а то Сантини надоест все это, и он прекратит давать интервью. Он не отличается терпеливостью.

Осознав, что продолжительное молчание приковывает к ней любопытные взгляды, Иден глубоко вдохнула. Ей не осталось иного выбора, кроме как изобрести что-нибудь на ходу, но она растерялась и задала первый вопрос, который пришел ей в голову:

– Мистер Сантини, ваше решение оказать финансовую помощь реабилитационному центру в Уэллворсе как-то связано с несчастным случаем, произошедшим с вашим братом в ходе борьбы за гран-при Венгрии?

По толпе журналистов прошел ропот; многие уставились на нее, и Иден вжалась в кресло, молясь, чтобы Рейф не узнал ее. Прошло четыре года, напомнила она себе.

– Разве вы не слышали, агент Сантини предупредил всех перед началом пресс-конференции, чтобы Рейфу не задавали вопросов о личной жизни и о брате? – спросил сидевший рядом репортер.

– Я опоздала, – ответила Иден в свое оправдание. – Я этого не знала.

Рейф наклонился и начал что-то горячо обсуждать со своим агентом, затем последний посмотрел в сторону Иден и сказал:

– Мистер Сантини просит вас повторить вопрос, но сперва, пожалуйста, встаньте и представьтесь.

Вот тебе и попытка остаться незамеченной, мрачно подумала Иден, глядя на боковой выход. Но было уже слишком поздно; все смотрели на нее, и ей пришлось встать. Даже в этот момент ее не покидала слабая надежда, что издалека Рейф не узнает ее, но, когда она взглянула на сцену, ей вдруг показалось, что в комнате только они двое.

Рейф Сантини дерзко изучал ее, медленно раздевая глазами, и Иден почувствовала себя обнаженной и беззащитной, словно он проник внутрь и пленил ее душу. Но эта иллюзия рассеялась, когда она увидела в его взгляде презрение.

– Иден Лоуренс из «Уэллворс газетт», – с трудом произнесла она, так как в горле застрял комок. Теперь, когда он ее узнал, лгать было бессмысленно. – Я спросила, помогает ли мистер Сантини пациентам «Гринейкс», получившим травму позвоночника, из-за того, что его брат был парализован. – У нее стучало в висках, щеки горели, и, столкнувшись с холодным взглядом Рейфа, Иден вцепилась в спинку кресла.

– Мистер Сантини помогает многим благотворительным организациям, – отрезал агент Рейфа, – но перед пресс-конференцией он ясно дал понять, что не будет отвечать на вопросы, касающиеся его личной жизни.

Пристыженная Иден хотела было сесть, но тут послышался его голос, от которого даже по прошествии нескольких лет ее бросило в дрожь:

– Мисс Лоуренс, я польщен тем, что вы интересуетесь моей частной жизнью, и я действительно помогаю этому центру

по причинам личного характера.

Как Иден ни старалась, она не могла укрыться от его взгляда. Он притягивал ее, словно магнит, и она могла лишь беспомощно глазеть на Рейфа, при этом слыша, о чем шепчутся коллеги:

– Иден Лоуренс... Она работала в каком-то государственном издании, не так ли? Пару лет назад она вела репортажи с места военных действий в одной из африканских горячих точек.

– Да, но не у нее ли был роман с Сантини? Нужно поскорее убираться отсюда, отчаянно подумала Иден. В следующий момент к ней подошли двое охранников и вывели ее из конференц-зала под пристальным взглядом человека, от которого она так старательно пряталась.

– Пройдемте с нами.

Это прозвучало как приказ, и было проще подчиниться, чем устраивать сцену. Что заставило ее так поступить? – размышляла Иден, следуя за охранниками с высоко поднятой головой, хотя чувствовала себя униженной. Не следовало появляться на пресс-конференции, чтобы не столкнуться лицом к лицу с Рейфом. Вины Клиффа в этом не было. Просто она не могла устоять перед искушением после стольких лет снова увидеть Рейфа, но если Иден считала, что за это время стала невосприимчивой к нему, то сильно ошибалась.

Прийти сегодня сюда было опрометчивым шагом, осознала Иден, направляясь к выходу. Вдруг один из охранников

положил руку ей на плечо, и в следующее мгновение она обнаружила, что ее ведут к лифту.

– В чем дело? – холодно произнесла она. – Вы сделали свою работу, и мне хотелось бы уйти.

Но они уже оказались в лифте.

– Сеньор Сантини хочет видеть вас у себя в номере, – сообщил охранник.

– Черта едва! – Когда они поднялись на верхний этаж, двери лифта открылись и секьюрити взял Иден за руку, но она не сдвинулась с места и с вызовом посмотрела на него. – Можете передать сеньору Сантини, что у меня нет никакого желания с ним встречаться.

– Простите? – Он комично пожал плечами, и девушка почувствовала, что закипает.

– Скажите сеньору Сантини...

– Почему бы вам не сказать ему обо всем самой?

Иден не заметила, как подъехал еще один лифт. В коридоре появился Рейф, высокий, темноволосый и поразительно красивый. При виде его ее сердце бешено заколотилось и инстинкт самосохранения подсказал нащупать кнопку и закрыть двери лифта. Но этому помешала нога, обутая в кожаный ботинок ручной работы; улыбка, появившаяся на лице Рейфа, напомнила ей о волке, готовящемся наброситься на свою жертву, и она вжалась в стенку кабины.

– Иден Лоуренс, мы уже приехали, – протянул он по-английски с сильным акцентом. Уловив в его голосе презрение,

она содрогнулась.

Вдруг Иден увидела, как к ним приближается пожилая пара.

– Выходи, Иден, ты задерживаешь этих милых людей, – произнес Рейф, улыбаясь.

Он с такой же легкостью включает свое обаяние, как другие включают свет, мрачно подумала Иден, сознавая, что у нее нет выбора.

– Можешь отозвать своих громил, – холодно сказала она. – Еще немного, и они бы за волосы втащили меня к тебе в номер.

Рейф перевел взгляд на охранников и сказал им что-то по-итальянски так быстро, что Иден не разобрала слов.

– Ты преувеличиваешь, Иден, – снова обратился он к ней. – Паоло и Романо заверили меня, что обращались с тобой крайне уважительно. – Его тон и сардонический блеск в глазах говорили о том, что это уважение было незаслуженным, и она покраснела. Рейф открыл дверь своего номера. Затем он отошел в сторону, чтобы пропустить ее вперед, но она, гордо вскинув подбородок, стояла на месте; ее негодование было почти осязаемым.

– Я не войду. Не смею тебя больше задерживать.

Черные брови Рейфа недоуменно взметнулись вверх.

– Разве ты приехала в отель не для того, чтобы встретиться со мной?

Он все такой же самоуверенный, мрачно подумала Иден.

Женщины всегда липли к нему, но она не совершит дважды одну и ту же ошибку.

– Ты ничуть не изменился, Рейф, – холодно заметила она. – Но, боюсь, мне придется тебя разочаровать. Единственная причина, по которой я оказалась здесь, заключается в том, что мой старый друг Клифф Харли попросил меня написать статью для его газеты.

– Понятно, – промурлыкал Рейф. Иден надеялась, что он ей поверил, потому что этот мужчина обладал сверхъестественной способностью читать ее мысли, но тогда она была моложе и не умела прятать свои чувства. – Раз уж ты здесь, позволь мне чем-нибудь тебя угостить. – Он удивленно поднял брови. – Ой, кажется, ты что-то пролила себе на брюки.

Иден снова покраснела. Взглянув на кремовые брюки, она обнаружила темное пятно, расплывшееся по бедру.

– Это кофе, – пробормотала она. – Если бы идиот, сидевший рядом со мной, не пролил мне на колени горячую жидкость, ты бы не узнал о моем присутствии.

– Я был в курсе, что ты там, – сказал Рейф, указывая ей на кожаный диван. – Может, выпьешь вина, сока или чая?

– Апельсиновый сок, если можно, – поспешно ответила Иден. Если она попросит чай, то придется задержаться, а алкоголь помешает сохранить трезвый ум. – Что ты имеешь в виду, говоря, что знал о моем присутствии? Откуда ты мог знать?

– Я чувствовал, – просто ответил Рейф. – Если бы ты не

привлекла к себе внимание, я бы начал тебя искать.

В воздухе повисла напряженная тишина, и Иден, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце, стала изучать узор на ковре. Она очень давно не видела Рейфа, и ее тело соскучилось по его ласкам.

– Надеюсь, ты не обожгла ногу, – сказал он, протягивая ей стакан холодного сока. – В ванной есть запасной халат. Можешь надеть его, а я тем временем отдам твои брюки в стирку.

– Спасибо, не надо, – поспешно ответила Иден, поняв, что на это уйдет много времени.

– Но если не сделать этого сейчас, брюки будут испорчены.

– Не беспокойся, Рейф, я куплю себе другие, – возразила она. – Мы не виделись почти четыре года, и я не намерена раздеваться через пять минут после нашей встречи.

– Сколько нужно? Десять минут? Пятнадцать? Было время, когда тебе не терпелось освободиться от одежды, – непринужденно произнес Рейф, сев напротив нее.

Он остался таким же, каким она помнила его все эти годы. Магнетический взгляд, казалось, сокращал расстояние между ними, делая ее пленницей его чар. Но насмешливый тон Рейфа прогнал воспоминания и вернул Иден к реальности.

– Это в прошлом. Тогда я была молодой и наивной, хотя ты довольно быстро лишил меня невинности, не так ли, Рейф? У меня не было шансов устоять перед великолепным

Рейфом Сантини, – горько произнесла она, вспоминая, с каким бесстыдством отдавалась ему четыре года назад.

– Ты была такой ненасытной, что решила переключить свое внимание на моего брата, – холодно парировал Рейф. Жестокость, прозвучавшая в его голосе, потрясла ее; от несправедливости обвинения защемило сердце.

– Это неправда...

– Я все видел собственными глазами. – Когда он вскочил с дивана, его глаза обжигали ее подобно углям. – Вы с Джанни целовались у бассейна. Не хочешь ли ты сказать, что у меня были галлюцинации?

Когда-то Иден побаивалась его взрывного темперамента. Нет, Рейф никогда бы не поднял на нее руку, просто он был несдержан на язык и его злые слова задевали ее за живое.

– Я ничего не хочу объяснять, – спокойно ответила Иден. – Зачем зря разбрасываться словами? Ты не выслушал меня тогда, и я не думаю, что со временем ты стал благоразумнее. – Четыре года назад она была не уверена в себе и испытывала благоговейный трепет перед ним, но теперь все изменилось.

– Благоразумнее! Я застал тебя полуобнаженной в объятиях моего брата, и ты еще хочешь, чтобы я был благоразумным? – Его глаза метали молнии, и Иден почувствовала, как сама начинает закипать. Ей не хотелось беречь старые раны.

Бросив на нее очередной испепеляющий взгляд, Рейф на-

чал ходить взад-вперед по комнате, поглаживая густые черные волосы. Иден помнила, что они, несмотря на короткую стрижку, курчавились на затылке. Она любила запускать в них пальцы, притягивая его голову к себе для поцелуя. Воспоминания об этом были такими отчетливыми, что она с трудом отвела взгляд от его широких плеч. Ради собственного спокойствия ей лучше все забыть и поскорее убраться отсюда.

– Это было так давно, – пробормотала Иден, намеренно понизив голос, чтобы на нее не обрушился поток брани. – Жизнь не стоит на месте, и я уже не та, что прежде. – Правда, в данный момент она чувствовала себя такой же молодой и неопытной, как пять лет назад, когда впервые встретила его. Их знакомство тоже произошло в отеле, но в тот раз Иден не терпелось увидеть великого Сантини. Она залезла в окно его номера и рухнула прямо к его ногам. При воспоминании об этом ее губы дернулись, и Рейф вопросительно посмотрел на нее.

– Тебя что-то насмешило? – произнес он по-английски с итальянским акцентом, и Иден почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки. Его низкий и чувственный голос был обволакивающим, словно горячий шоколад.

– Я просто вспоминала, как мы впервые встретились, – сухо ответила она. – Твой номер находился на втором этаже, и я вскарабкалась по водосточной трубе.

– Это был третий этаж, – поправил ее Рейф, – и я никогда

не забуду выражения твоего лица, когда ты, испачканная и смущенная, лежала на полу.

Иден с трудом сдержала слезы.

– Я даже представить себе не могу, что ты обо мне подумал, – пробормотала она, тряхнув головой, чтобы прогнать болезненные воспоминания. Она тогда не удержалась и упала, а Рафаэль Сантини, чемпион «Формулы-1», мужчина, которого она так жаждала увидеть, помог ей подняться на ноги. Встретившись с ним взглядом, она словно онемела и тупо уставилась на него, не способная скрыть восхищение его мужественной красотой.

Рейфу было тогда двадцать восемь, и он находился в расцвете физических сил, что помогало ему год за годом одерживать победы в соревнованиях. Помимо этого, он обладал боевым духом, граничившим с одержимостью; безжалостная решимость побеждать сделала его кумиром тысяч людей. Жизнь Сантини вне гоночной трассы вызывала не меньший интерес. Его лицо почти каждую неделю украшало обложку какого-нибудь глянцевого журнала; издания платили бешеные деньги папарацци за информацию о его личной жизни. Рейф был преуспевающим, искушенным и просто неотразимым, и у Иден не было шансов устоять перед его обаянием.

– Я подумал, что ты красива. – При звуке его мягкого голоса у нее перехватило дыхание и она резко вскинула голову и уставилась на него. – Ты не была похожа на женщин, которых я встречал до этого, – продолжил Рейф. Разумеет-

ся, Иден отличалась от эффектных фотомоделей, чье присутствие на трибунах украшало соревнования. – Очень милая, застенчивая, однако крайне решительная. Ты рисковала жизнью только для того, чтобы сообщить мне, что не являешься моей фанаткой и жаждешь побеседовать лишь ради своего брата.

Иден улыбнулась, скрывая смущение.

– Саймон был твоим преданным поклонником, – согласилась она, – и я пообещала ему, что, даже если мне не удастся уговорить тебя навестить его в «Гринейкс», я попробую взять у тебя автограф.

Но наследника миллионов Сантини хорошо охраняли, и служащий в приемной холодно сказал ей, что синьор Сантини не станет ни с кем встречаться, особенно с младшим корреспондентом местной газеты. Правда, охрана Рейфа не знала, что за внешней хрупкостью Иден прячется железная воля.

– Но ты добилась своего, – заметил Рейф, и она кивнула, вспомнив, как удивился и обрадовался братишка, когда к нему в палату вошел его кумир. Рейф весь день общался с детьми и подростками, прикованными к инвалидной коляске. Саймон целую неделю только об этом и говорил и даже повесил на стены еще больше плакатов с портретами знаменитости. Иден обнаружила, что сама всякий раз украдкой разглядывает фотографии Рейфа.

Тогда ее брату было шестнадцать, и он половину своей

жизни провел в инвалидной коляске после того, как упал с дерева и сломал позвоночник. Несмотря на то, что Саймон не мог ходить, он оставался очень общительным и жизнерадостным юношей, приносящим радость всем, кто находился рядом с ним. При воспоминании о нем у Иден на глаза навернулись слезы.

– Саймон все еще посещает реабилитационный центр? – спросил Рейф. – Я не видел его в «Гринейкс».

– Нет. Он умер от сердечной недостаточности через несколько месяцев после того, как мы... после того, как я...

– После того, как ты обманула меня, – закончил за нее Рейф. Горечь, прозвучавшая в его голосе, потрясла Иден. – Наверное, это было страшным ударом для всех, особенно для вашей матери. Я помню, как она заботилась о нем.

Иден кивнула.

– Смерть Саймона была одной из причин, по которым отец решил стать пастором миссионерской церкви в Африке. Он думал, что смена обстановки поможет им с матерью примириться с потерей сына. – Уставившись в пол, Иден боролась с потоком слез, который был готов хлынуть из глаз. Когда девушка наконец подняла глаза, то обнаружила, что Рейф с любопытством наблюдает за ней.

– Я знаю, как это тяжело, – тихо произнес он. – Я тоже потерял брата.

– Я очень расстроилась, когда узнала, что произошло с Джанни. Авария... Это, ужасно. Мне было больно за вас обо-

их.

– Так больно, что ты даже не удосужилась позвонить, – усмехнулся Рейф. На этот раз его глаза сверкали от злости. – Боже мой, Иден! Вы были так близки, а ты даже не послала ему открытки.

– Это неправда, – прошептала Иден. – Я приезжала в больницу. Я прилетела в Италию сразу же, как только узнала о случившемся.

Суровый взгляд Рейфа говорил о том, что он ей не верит.

– Ты лжешь. Во всех газетах писали, что травма, полученная Джанни, настолько серьезна, что он никогда не сможет ходить. Ты, как никто другой, должна была понять, через что ему предстояло пройти, поскольку пережила подобное вместе со своим братом. Но, услышав, что Джанни до конца дней останется парализованным, ты больше не захотела иметь с ним дела. – Его черные глаза по-прежнему смотрели на нее с презрением, а несправедливость обвинения причиняла ей боль.

– Я приезжала в больницу, – отчаянно повторила Иден, наклонившись вперед. – Там я встретила твоего отца, и он сказал... – Она внезапно замолчала, вспоминая неприятную встречу с Фабрицио Сантини, когда он ясно дал понять, что ее присутствие в больнице нежелательно. – Неважно, что он мне наговорил, – тихо проронила она. – Но ваш отец убедил меня в том, что ни Джанни, ни тем более ты мне не обрадуетесь.

– Отец не упоминал о твоём визите, – категоричным тоном отрезал Рейф. Иден сдалась.

– Не знаю, почему Фабрицио не сказал вам, хотя, полагаю, у него были на то свои причины.

– Что все это значит? – прорычал Рейф.

– То, что я не лгу! Я приезжала в больницу, чтобы поддержать вас с Джанни. Думала, ты захочешь со мной поговорить, – добавила она, вспомнив, как пресса называла Рейфа виновником аварии, в результате которой серьезно пострадал его брат.

– И ты действительно считаешь, что я стал бы разговаривать с тобой после сцены у бассейна? – с вызовом бросил Рейф. Его лицо было похоже на маску; на щеках выступили желваки. – Dio! Прежде всего, ты журналист! – Он произнес это таким тоном, словно она была убийцей, но, поскольку пресса бросала в его адрес ужасные обвинения, у него есть причина ненавидеть всех представителей этой профессии.

– Я приехала в Италию как друг, а не как журналист, – печально ответила Иден, – но, очевидно, я ошибалась и вы совсем не нуждались во мне.

Наступила неловкая тишина, и Иден поставила на стол свой стакан, решив, что пора уходить. Она встала и взяла свою сумочку. Вдруг в дальнем конце комнаты открылась дверь и в гостиную вошла женщина.

– Рейф, дорогой, мне показалось, ты звал меня. Ты еще долго? Я жду тебя все утро, – произнесла она с недовольной

гримасой.

Иден отметила, что женщина поразительно хороша. Вокруг Рейфа всегда крутились самые красивые девушки в мире, и он постоянно менял их, чем снискал себе репутацию плейбоя. Сквозь дверной проем она увидела незаправленную постель со скомканными простынями и откупоренную бутылку шампанского в ведерке со льдом – бесспорные доказательства того, что прошлой ночью Рейфу было не до сна.

На нее нахлынули воспоминания об ушедших днях, о многочисленных отелях, где она целыми днями просиживала у бассейна с книжкой в ожидании ночи. Рейф был умелым и энергичным любовником. Нежась в его объятиях, она убеждала себя в том, что одинокие дни и потеря самоуважения того стоят.

– Рейф! – раздраженно повторила женщина со скандинавским акцентом, и Рейф сердито посмотрел на нее.

– Я занят, Майей. Пожалуйста, оставь нас. Взметнулись пепельные волосы, она скрылась в спальне, недовольно хлопнув дверью.

– Не заставляй ее ждать, – холодно произнесла Иден, направляясь к двери. – У меня назначена встреча. Полагаю, это твой новый пресс-секретарь, – не удержавшись, добавила она, вспомнив, как однажды Рейф предложил ей присоединиться к команде Сантини. Внушительное название должности было всего лишь прикрытием для ее истинного положения. Очевидно, с тех пор ничего не изменилось.

Схватившись за дверную ручку, Иден обнаружила, что Рейф опередил ее. Когда их пальцы соприкоснулись, Иден словно ударило током, и она отдернула руку.

– Может, пообедаем вместе? Предложение показалось ей искренним, и она удивилась, почему он это делает, если им нечего сказать друг другу. Находясь близко от него, она чувствовала слабый аромат одеколona. Тепло, исходящее от его тела, согревало ее, возбуждая чувства; сердце стучало так громко, что он, наверное, слышал его. Сквозь полуопущенные веки Рейф смотрел на ее губы, и вдруг она поняла, что он хочет ее поцеловать.

Иден провела кончиком языка по пересохшим губам, и тишина, повисшая в воздухе, зазвенела от напряжения. На мгновение Иден представила себе, как его губы касаются ее губ, но из уважения к самой себе отвела глаза.

– Нет, спасибо. Я говорила тебе, что у меня назначена встреча.

– Отмени ее. – Надменное требование вывело ее из себя, и она бросила на него испепеляющий взгляд.

– Ты собираешься обедать втроем? – отрезала она, указав кивком на дверь спальни. – В любом случае я не собираюсь отменять встречу.

Брови Рейфа вопросительно взметнулись вверх.

– Кто он?

– Не знаю, почему ты решил, что я встречаюсь с женщиной, но, раз уж ты спросил, отвечу. Его зовут Невилл Монк-

тон, ему принадлежит фирма по торговле недвижимостью.

– Не говоря уже об огромном доме под названием Монктон-Холл, – протянул Рейф.

– Откуда ты об этом знаешь?

– Я много чего знаю, – холодно сказал Рейф. – Твой интерес к нему связан с особняком? – Немного помедлив, он продолжил: – У него есть брат?

– Я не в курсе, – Иден затравленно посмотрела на него. – Зачем тебе это?

Его саркастическая ухмылка ранила ее в самое сердце.

– Думаю, мне следует предупредить твоего друга, чтобы он приглядывал за вами, – мягко произнес Рейф. Вне себя от ярости, Иден подняла руку, но он перехватил ее и прижал к своей щеке. – Кажется, у тебя появился характер, сага, но, впрочем, ты ведь никогда не была наивной простушкой, правда?

– Я была дурой, особенно когда дело касалось тебя. Я доверяла тебе, но ты не оправдал моего доверия. Тебе было выгодно думать, что у меня роман с Джанни. Именно поэтому ты и отказался меня выслушать. – Вздохнув, Иден открыла дверь. – Я была молодой и наивной, и ты не считался со мной, но больше этому не бывать. Я повзрослела, Рейф, и поняла, что ты в действительности собой представляешь, и, честно говоря, меня это не впечатляет!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рейф ходил по банкетному залу, улыбаясь многочисленным гостям, желающим привлечь его внимание. Он с трудом скрывал свое нетерпение: Иден все не появлялась. Возможно, она решила не приходить на банкет, устроенный после окончания соревнований, хотя приглашение ей послали. Может, Иден посчитала празднование его победы в Кубке Британии ниже своего достоинства, мрачно подумал Рейф, вспоминая холодное безразличие, с которым она заявила, что он ее не впечатляет.

Его еще никогда так не оскорбляли. Конечно, он не был святым, но пятикратный чемпион «Формулы-1» доставлял огромное удовольствие тысячам людей на трибунах. Однако на Иден Лоуренс это не подействовало. В глубине души Рейф понимал, что она имела в виду не его спортивные достижения, но знать, что он не интересуется ее как женщина, еще тяжелее. Ее появление на пресс-конференции сильно удивило его. Хотя Рейф знал, что она вернулась в Уэллворс, он не был готов к встрече. Он забыл (или считал, что забыл) ее небесно-голубые глаза, атласную кожу и мягкие чувственные губы, такие сладкие на вкус...

– Рейф, мы весь вечер будем стоять здесь? – недовольно спросила Майей, бросив на него кокетливый взгляд из-под длинных ресниц. Но это оставило Рейфа равнодушным: за

три месяца она успела ему наскучить. Он собирался порвать с ней, подарив в качестве компенсации какую-нибудь дорогую безделушку.

– Меня это вполне устраивает, – холодно ответил Рейф, изучая взглядом толпу гостей, – но ты свободна и можешь идти куда хочешь.

– Не понимаю, почему ты решил отпраздновать свою победу в этой дыре, – раздраженно произнесла Майей. – В Уэлворсе даже нет ни одного приличного магазина.

Поняв, что Рейф не обращает на нее внимание, она прижалась к нему и откинула назад волосы. При этом ее грудь чуть не выскочила из декольте, но все было бесполезно. Взгляд Рейфа был прикован к женщине, которая только что вошла в зал.

По сравнению с Майей Иден выглядела скромно в узком темно-синем платье, облегающем грудь и бедра. Рейф обнаружил, что хотя впереди оно было закрытым, сзади имелся глубокий вырез, обнажающий нежную кожу.

Иден повзрослела, стала элегантной и уверенной в себе, подумал он, чувствуя, как все его тело пронзает боль желания. Иден была самой отзывчивой, самой щедрой из всех женщин, побывавших в его постели. Чувственность была ее второй натурой, и ноги сами понесли его к ней. Но, заметив, что его опередил Невилл Монктон, он резко повернулся и направился к группе фотомоделей. Они по крайней мере находили его интересным, и Рейф не хотел, чтобы Иден дума-

ла, будто он ждал ее. Если он решит когда-нибудь возобновить их отношения, то только на своих условиях.

– Иден, рад тебя видеть. Потрясающе выглядишь.

– Спасибо. – Иден улыбнулась Невиллу Монкстону, который спешил поздороваться. Восхищение, светившееся в его глазах, придало ей уверенности в себе. Она не хотела идти на этот банкет, но Клифф умолял ее, и у нее не хватило духа ему отказать.

– Я не могу пойти сам, потому что Дженни вот-вот родит, – сказал он. – Небольшой рассказ о том, как проходило празднование победы Сантини, будет отличным завершением твоей статьи. Было бы здорово, если бы тебе удалось взять у него интервью.

– Я не могу ничего обещать, – пробормотала Иден, вспоминая свой недавний разговор с Рейфом Сантини.

Вечеринка была в точности такой, как она и ожидала. Зал полон сексапильных блондинок в вызывающих нарядах, и Иден показалось, что на ней слишком много одежды. Она не видела Рейфа и не собиралась его искать, потому что больше не была наивной влюбленной дурочкой.

– Если бы я знал, что ты собираешься прийти, я бы заехал за тобой, – сказал Невилл, пройдя с ней к бару.

– Я приняла это решение в последнюю минуту. У Дженни начались схватки, и Клифф не захотел ее оставлять. Я приехала на такси.

– Значит, ты спокойно можешь выпить пару бокалов вина.

Я отвезу тебя домой.

Нев очень мил, подумала Иден, смакуя холодное «шардоне». Он обходительный и простой. Ели она когда-нибудь захочет серьезных отношений с мужчиной, то будет искать человека, обладающего двумя этими качествами. С нее хватит непостоянных страстных итальянцев. Ей не нужно, чтобы ее возносили на вершину удовольствия – неизбежное падение будет слишком болезненным.

– Отличный банкет, – прокомментировал Нев, увидев шведский стол, ломящийся от деликатесов. – Уверен, Сантини может себе позволить такой пир. У него, должно быть, денег куры не клюют. Кажется, ты когда-то его знала? – поинтересовался он.

Иден уклончиво пожала плечами.

– Да, несколько лет назад.

– А как насчет Джанни Сантини? Его смерть была настоящей трагедией. Ходили слухи, что он не смог смириться с тем, что больше никогда не будет ходить, и покончил с собой. Должно быть, это стало тяжелым ударом для Рейфа. Говорили, что авария произошла по его вине.

Тоненькие волоски у нее на затылке встали дыбом. Иден могла с абсолютной уверенностью сказать, что Рейф находится где-то рядом. Она чувствовала его присутствие каждой клеточкой своего тела, и это раздосадовало ее. Ей понадобилось несколько лет, чтобы забыть его, и она не позволит одной-единственной встрече свести на нет результат титани-

ческих усилий.

– Я не стала бы верить тому, что пишут в желтой прессе, – холодно сказала она Неву. – Рейф не виноват в том, что случилось с Джанни.

– Но ведь они были соперниками, не так ли? – настаивал Нев. – И перед аварией поссорились.

– Они были не только братьями, но и друзьями, – отрывисто произнесла Иден. – Это все, что мне известно.

Она не собиралась объяснять Неву, что Рейф сильно любил своего брата и поверил ему, а не ей. Перед ее внутренним взором снова предстало лицо Рейфа, искаженное яростью, когда он назвал ее дешевой шлюхой, которая водила за нос обоих братьев. Иден была слишком потрясена ложью Джанни и не смогла ничего сказать в свое оправдание. Покидая Италию, она пришла к выводу, что у Рейфа были свои причины поверить в худшее. Ему просто требовался предлог, чтобы от нее избавиться. Но все это осталось в прошлом, напомнила она себе.

– Может, чего-нибудь поедим? – предложил Нев, направляясь к столу.

– Иди, – пробормотала она, испытывая тошноту при виде этой горы яств. – Здесь слишком жарко. Я пойду на террасу.

Ночной воздух окутал ее мягкой прохладой; аромат жимолости и роз действовал успокаивающе. Но вдруг эту идиллию нарушил знакомый голос:

– Ты одна, Иден? А где же твой преданный пес?

Нет, мужчина не имеет права быть таким сексуальным, подумала Иден, пытаясь сохранять самообладание. Черная шелковая рубашка подчеркивала ширину его плеч; несколько пуговиц было расстегнуто, на шее блестела золотая цепочка. Одним словом, Рейф выглядел как настоящий плейбой. Иден сомневалась, что, обладая такой потрясающей внешностью, Рейф последние четыре года жил как монах. Он был ее первым и единственным любовником, а она для него – очередной игрушкой. Тогда почему же внутренний голос твердит, что она принадлежит ему, почему тело реагирует на его присутствие так, будто тосковало по нему все это время?

– Если ты имеешь в виду Нева, то он в зале. Его вряд ли можно назвать моим верным псом. Он всего лишь мой друг.

– И владелец Монктон-Холла, – вкрадчиво произнес Рейф. – Ты уверена, что не хочешь стать хозяйкой особняка, а, Иден?

– Ты уже делал это оскорбительное предположение, но, честно говоря, я думаю, что это не твое дело, – отрезала Иден. Обнаружив Рейфа около себя, она отошла в сторону. Он двигался легко и бесшумно, словно пантера, готовящаяся к прыжку. Посмотреть ему в глаза было большой ошибкой. Свет луны, отражающийся в них, звал ее обратно.

– Итак, скажи мне, *cara*, – прошептал Рейф, – если ты вернулась в Уэллворс не в поисках богатого мужа, то для чего? Работая в Африке, ты приобрела репутацию уважаемого журналиста, и я не понимаю, зачем тебе сотрудничать с

местной газетенкой.

– Мне понадобилась передышка, – призналась Иден. – Последние три года были... тяжелыми.

При взрыве фугаса ей чуть не оторвало левую ногу, но она не собиралась рассказывать об этом Рейфу. Тяжело переживая расставание с ним, она вернулась в Лондон, чтобы посвятить всю себя карьере, и получила место репортера в одном из государственных изданий. Она была молода и свободна, и жизнь в большом городе должна была доставлять удовольствие, но с каждым днем ей все больше не хватало Рейфа, а бесконечные статьи о его любовных похождениях только усиливали ее страдания. Тогда Иден пришло в голову, что поездка в Африку к родителям поможет ей вычеркнуть его из памяти. Она не знала, что это изменит ее жизнь.

Нищета, которую она увидела, была просто ужасающей; территория страны напоминала огромное поле боя. Здесь не было времени думать ни о чем, кроме собственного выживания. Когда наступило затишье, Иден решила остаться, чтобы помочь мирным жителям начать все сначала. Даже сейчас ей было больно думать о них, но знать, что Рейф считает ее охотницей за состоянием, – еще больнее.

Иден сделала шаг назад, и Рейф тихо выругался, пытаясь держать под контролем свои эмоции.

– Я читал твои статьи и смотрел документальные фильмы, которые ты сняла, – сухо произнес он, вспоминая, как боялся за нее и проклинал собственную беспомощность. – Зачем

тебе было нужно подвергать себя постоянной опасности? – Его голос был резким, глаза потемнели от гнева. – Если бы ты осталась со мной, я бы не позволил тебе уехать.

Иден усмехнулась.

– Но ведь это ты положил конец нашим отношениям, Рейф.

– Потому что ты спала с моим братом! – Он кипел от злости, губы сжались, глаза горели, словно угли. – Я не мог поверить, когда год спустя увидел твои репортажи. Решила искупить свои грехи? Лживая шлюха превратилась в мать Терезу!

– Ублюдок! – Иден отшатнулась от него, ослепленная слезами. Не смей плакать, приказала она себе.

Рейф разжал кулаки и положил руки на перила, с трудом удерживаясь от того, чтобы хорошенько не встряхнуть ее. Как многие другие, он читал статьи Иден о столкновениях между враждующими группировками. Его ужаснули рассказы о бедствиях, выпавших на долю мирных граждан, оказавшихся в эпицентре конфликта, но еще больше потрясло то, что Иден рисковала своей жизнью, чтобы помочь этим людям. Первым побуждением было вызволить ее оттуда, но он не имел права вмешиваться. Их отношения закончились, когда он застал Иден в объятиях Джанни, и Рейф проклинал себя за слабость, переключая телевизор с канала на канал в надежде увидеть ее.

Иден повернулась к нему лицом, и у Рейфа сжалось серд-

це. Под внешней искушенностью пряталась ранимость, которую он так хорошо помнил, и ему захотелось обнять ее и прижать к себе.

– Я не обязана стоять здесь и терпеть твои оскорбления. Ты не стал бы слушать, не правда ли, Рейф? Тебе кажется, что ты всегда прав, но меня это уже давно не волнует. Мне нечего стыдиться. Я знаю правду, и Джанни тоже ее знал.

Иден ожидала, что сейчас он обрушит на нее свой гнев, поэтому его молчание потрясло ее до глубины души. Рейф страдал. Он любил своего брата, и воспоминания о трагических обстоятельствах смерти Джанни причиняли ему боль.

– А что, если я готов все выслушать сейчас? – спросил он. – Говорить с Джанни уже слишком поздно, но...

– Ты опоздал, – холодно ответила Иден, хотя ее сердце разрывалось на части. – Четыре года – слишком долгий срок, так что, если тебя мучает запоздалое чувство вины, я рада.

На мгновение Рейф напрягся, но затем небрежно пожал плечами, словно ему было все равно.

– Маленький пушистый котенок превратился в дикую кошку, – сказал он, и Иден уловила в его голосе нотки веселья. – Не помню, чтобы ты раньше могла за себя постоять, cara.

– И ты умело этим пользовался, – горько произнесла она. – Ты знал, что я испытывала перед тобой благоговейный трепет. Я не могла поверить в то, что великий Рафаэль Сантини обратил внимание на заурядную девственницу из захолуст-

ного городка. Наверное, тебе льстило, что я из кожи вон лезла – только бы сделать тебя счастливым.

– Мне льстило, что ты меня хотела, – усмехнулся он, легонько проводя пальцем по ее щеке, затем по шее.

Он так сексуален! Даже время бессильно стереть воспоминания о том, как его чувственные губы касались ее губ, как у нее кружилась голова от экзотического аромата его одеколona. Но Иден не собиралась терять самоуважение и отпрянула.

– Мне доставляло огромное удовольствие заниматься с тобой сексом, но больше в наших отношениях не было ничего.

Его глаза сузились, в них появился опасный блеск.

– Не говори так, сага. Может, нам стоит начать все сначала?

Он, должно быть, пошутил, но хуже всего то, что она ощутила искушение. Наверное, у нее не все в порядке с головой.

– Никогда в жизни, – отрезала она, лениво улыбаясь.

Рейф знал, как заставить Иден взять свои слова назад. Стоило ему только подойти поближе и поцеловать ее, она перестала бы сопротивляться, но отчаяние, которое он уловил в ее взгляде, не позволило ему это сделать.

Ему не хватало Иден. Рейф пытался возненавидеть ее, убеждая себя в том, что она лживая тварь, но до сих пор каждое утро просыпался на рассвете и искал ее, а не найдя, испытывал мучительную боль.

Остановившись на пороге банкетного зала, Иден спросила:

– Позволь поинтересоваться, что ты делаешь в Уэллворсе? «Бембридж» – хороший отель, но есть и другие, гораздо ближе к Сильверстоуну.

– А тебе не приходило в голову, что я приехал сюда специально для того, чтобы найти тебя? – беспечно бросил Рейф.

Иден рассмеялась.

– Судя по тому, как прошла наша предыдущая встреча, это невозможно. Я же лживая шлюха, зачем меня искать?

– Может, я по тебе соскучился, cara mia, – мягко предположил Рейф, и Иден поразила теплота, с которой были произнесены эти слова.

– А мне кажется, что тебе просто больше не с кем лечь в постель, но, каковы бы ни были твои истинные причины, Рейф, меня это не интересует.

Когда Иден присоединилась к Невиллу Монкстону, тот заметил, что она очень бледна.

– С тобой все в порядке, Иден? Я уже собирался тебя искать.

– Прости... у меня ужасно болит голова. Я вызову такси.

– Не надо, я отвезу тебя домой. В любом случае я все равно уже собирался уходить.

– Какой чудесный день, – весело сказал Невилл Иден, подъезжая к дому ее родителей. – Ты знаешь особняк под названием Дауэр-Хаус? Год назад его купил застройщик и

полностью отреставрировал. Последние два месяца он был в моем списке зданий, сдающихся в аренду, и сегодня нашелся человек, который готов его снять.

Иден вяло улыбнулась и сделала вид, что ее это интересует.

– Там будет жить семья? Дом довольно большой.

Нев покачал головой.

– Нет, его сняла какая-то организация. Кстати, как прошло интервью с Рейфом Сантини? Вы довольно долго были с ним на террасе. Ты получила то, что хотела?

– Нет, я не узнала ничего нового, – тихо ответила Иден, вылезая из машины. Она не собиралась рассказывать Неву о разговоре с Рейфом. Она все еще не могла прийти в себя после того, как обнаружила, что ей так и не удалось забыть его. Все эти годы она тщательно возводила баррикады вокруг своего сердца, а он с легкостью их разрушил, стоило им только встретиться вновь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подождав, пока грузовик скроется из виду, Иден вошла в пустой дом. Последние несколько дней она провела в суматохе, упаковывая вещи своих родителей для отправки в Шотландию.

Осталось только забрать собственные вещи и перевезти их на квартиру, которую нашел для нее Нев. В то время как родители, решив переселиться поближе к престарелой бабушке, искали жилье в Эдинбурге, Иден занималась продажей их коттеджа. Просьба нового владельца освободить дом к началу июля означала, что у нее осталось несколько дней на переезд.

Ее новая квартира находилась в жилом микрорайоне на окраине. Это было не совсем то, чего она хотела, но арендная плата в этом маленьком оксфордширском городке довольно высока, а взять ипотечный кредит не позволяло ее нынешнее жалованье. Можно, конечно, перебраться в Лондон и найти более высокооплачиваемую работу. Репутация бесстрашного журналиста, преданного своему делу, безусловно, сыграла бы ей на руку, но три года, проведенные в Африке, опустошили ее морально и физически.

Иден любила Уэллворс. Здесь, в доме викария, прошло ее беззаботное детство, и она оказалась не готова к встрече с жестоким миром, с Рейфом Сантини, ворвавшимся в ее

жизнь подобно урагану. Он отличался от мужчин, с которыми она встречалась прежде. Впрочем, весь ее опыт ограничивался лишь парой невинных юношеских увлечений.

Рейф удивил и очаровал Иден, навестив ее брата Саймона в реабилитационном центре, и она стала относиться к нему с благоговейным трепетом, но даже в своих самых смелых мечтах не надеялась на то, что он может пригласить ее на ужин...

Разозлившись на себя, Иден начала рыться в вещах, ища чайник. Наверное, было бы лучше, если бы она уехала из Уэллворса. Начать новую жизнь в Лондоне, где ничто не будет напоминать о Рейфе, – возможно, именно это ей и нужно. Забыть о том, как они занимались любовью, как он нежно с ней обращался, когда обнаружил, что она девственница, как говорил, что она принадлежит ему, и только ему.

Черт побери! Почему он преследует ее даже во сне? Схватив кружку с чаем, Иден выбежала из кухни и натолкнулась на что-то твердое и теплое.

– Рейф! Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? – удивилась она.

– Дверь была открыта. Ты должна быть осторожнее – любой может войти.

– Честно говоря, я бы предпочла Джека Потрошителя. Зачем ты здесь, Рейф? Кажется, сейчас ты должен находиться в другой части света, – холодно произнесла Иден.

– До канадского гран-при еще целых две недели, – сказал

Рейф, – и я решил провести это время в Уэллворсе.

– Но почему? Это далеко не Монте-Карло. Здесь нет ничего, что могло бы представлять для тебя интерес.

– Ты недооцениваешь себя, сага.

– Ради бога, Рейф!

Иден не могла понять, зачем он на самом деле приехал сюда. Ее сердце бешено колотилось, но она не доставит ему удовольствия считать, что он все еще ей небезразличен. Она прошла в гостиную и села на широкий подоконник, так как вся мебель была вывезена.

– Боже! Тебя ограбили? – Его взгляд задержался на рваных обоях. – Неудивительно, что ты ищешь богатого мужа.

– Мои родители только что продали дом, и я собираюсь переехать в квартиру, – отрезала Иден, чувствуя, что теряет терпение. – Меня не интересует ни Нев, ни кто-либо другой. Ты когда-нибудь слышал поговорку «Обжегшись на молоке, дуешь на воду»? Поверь мне, Рейф, ты на всю жизнь отбил у меня охоту заводить серьезные отношения. Я никогда больше не доверюсь мужчине.

– Доверие! – неистово воскликнул он. – И ты еще смеешь говорить со мной о доверии, когда сама злоупотребила моим. Ты разбила мне сердце!

Куда подевался очаровательный, благовоспитанный Рейф Сантини, которого обожали поклонники? Его место занял вспыльчивый темпераментный итальянец. Он отличался от всех, кого Иден знала, и внезапные вспышки ярости приво-

дили ее в восторг, особенно когда его гнев быстро проходил и уступал место безудержной страсти.

– Скажи мне, Иден, что бы ты подумала, если бы застала меня полуобнаженным в объятиях другой женщины? Какова была бы твоя реакция?

– Я бы по крайней мере выслушала, – тупо произнесла Иден. Она никогда не ставила себя на его место. Если быть честной, увидев его в объятиях другой женщины, она бы убежала зализывать раны. Ей всегда казалось, что однажды ему наскучит ее заурядность и он найдет себе другую. Однако она никогда не давала ему повода сомневаться в ней, потому что боготворила его.

– Я выслушал, – твердо сказал Рейф, пытаясь убедить не столько ее, сколько самого себя. Когда он увидел Иден в бикини в объятиях Джанни, ему было так больно, что он не слышал ничего, кроме стона своего разбитого сердца. – Ты молчала, в то время как Джанни объяснял мне, что это ты его соблазнила и он не смог устоять.

– И ты ему поверил, – тихо произнесла Иден.

– Он был моим братом, – прорычал Рейф, меряя шагами пустую комнату, которая внезапно уменьшилась в размерах. – Зачем ему лгать мне?

– Я не знаю.

И никто никогда уже не узнает. Джанни был мертв и унес с собой в могилу ответ на этот вопрос. Она не могла винить во всем только Джанни. Их отношения были обречены – Рейфу

просто нужен был повод, чтобы положить им конец.

– Сейчас это уже не имеет значения, – пробормотала Иден. Как смеет Рейф разговаривать с ней таким обиженным тоном, когда это он предал ее? – Я не знаю, на что ты надеялся, придя сюда.

Рейф вздохнул и провел рукой по волосам, осознавая, что все идет не так, как он запланировал.

– Я пришел к тебе, чтобы сказать, что готов тебя простить, – надменно произнес он.

Иден поставила кружку с остывшим чаем, сдерживаясь, чтобы не выплеснуть напиток ему в лицо. Рейф ждал, молча наблюдая за ней. Что она должна делать? Упасть к его ногам и попросить прощения? Ни за что!

– Как великодушно с твоей стороны, – холодно сказала Иден. – Но нет, спасибо.

– Что значит «нет, спасибо»? – Его растерянный вид рассмешил бы ее, если бы она не была готова расплакаться. – Я готов дать нашим отношениям еще один шанс.

– Ты опоздал на четыре года! – Родители часто говорили ей, что излишняя эмоциональность ни к чему не приведет, и постепенно Иден научилась сдерживаться. Четыре года назад она слишком любила Рейфа, чтобы спорить с ним, но сейчас стала совершенно другим человеком. Картины нищеты и жестокости, свидетелем которых она была в Африке, придали твердости ее характеру. – Я не нуждаюсь в твоём прощении; я не сделала ничего плохого, так что, если ты

ждешь извинений, их не будет. Единственный, кто должен извиняться, это ты, – продолжила Иден, соскочив с подоконника и бросив на Рейфа испепеляющий взгляд. – Единственный обманщик здесь ты! – воскликнула она, ткнув его пальцем в грудь. – Я хочу, чтобы ты немедленно ушел. Возвращайся к своей Митци, или Мисти, или как там зовут твоего нового пресс-секретаря, и оставь меня в покое!

Рейф никогда прежде не слышал, чтобы она повышала голос, а уж тем более кричала на него. Он был ошеломлен, но взял себя в руки и даже улыбнулся.

– Я порвал с Майей, так что у тебя нет причин для ревности, *cara*.

Глубоко вдохнув, Иден произнесла ледяным тоном:

– Уверена, твоя жена очень этому обрадуется, но мне действительно все равно. Я совсем тебя не ревную. Я лучше продам свою душу дьяволу, чем дам тебе еще один шанс.

Ему следует уйти, прежде чем она расплатится или, что еще более унижительно, бросится ему на грудь. Рейф смотрел на нее подобно ангелу мести; черты его лица сделались жестче. Иден помнила, с какой страстью его чувственные губы касались ее губ. Как могла она отказаться от возможности снова испытать неземное блаженство в его объятиях? Он был любовью всей ее жизни, и четыре безрадостных года без него тому доказательство. Но Рейф никогда не любил ее, и она не будет жертвовать самоуважением ради секса, потому что заслуживает большего.

– Какая еще жена? У меня нет никакой жены! – воскликнул Рейф, схватив ее за руку, когда она попыталась проскользнуть мимо него.

– А что случилось с Валентиной де Доменичи, женщиной, на которой ты собирался жениться? Я знаю о ней, Рейф. Я знаю, что этот брак был обговорен вашими родителями несколько лет назад. – Отчаянно пытаюсь освободиться, она толкнула его. – Отпусти меня, Рейф. Ты делаешь мне больно.

– Ты ничего не знаешь, – прорычал Рейф. – Ты несешь этот бред, чтобы переложить вину на меня? У тебя ничего не получится, сага. Dio! Я часто видел, как ты флиртовала с Джанни, но даже не подозревал, что ты увлечешь его настолько, что он не сможет совладать со своим желанием.

– Рейф, моя рука... – взмолилась Иден, и он, увидев, что его пальцы сдавили ее запястье, выругался по-итальянски и отпустил ее.

– Мне следовало послушаться моего отца, – угрюмо про бурчал Рейф. – Он предупреждал меня насчет тебя.

– Не сомневаюсь. Я никогда ему не нравилась. Он считал, что я недостаточно хороша для тебя.

– Это смешно.

Рейф отвернулся, и Иден вздохнула. Зачем она начала борьбу, если с самого начала знала, что проиграет? Когда у нее был роман с Рейфом, Фабрицио Сантини едва замечал ее присутствие и они встречались только во время соревнований. Никто, кроме Иден, не замечал его грубости по отно-

шению к ней. Позднее, когда она помчалась в больницу после того, как Джанни попал в аварию, Фабрицио сказал, что в семье Сантини ей не рады. Он назвал ее шлюхой Рейфа, которой тот быстро найдет замену.

Внезапно Иден почувствовала себя ужасно усталой. После того, что было между ней и Рейфом, прошло много времени, и каждый жил своей жизнью. Она сама виновата, что так и не смогла его забыть.

– Нечего ворошить прошлое, – тихо произнесла она. – Нам было хорошо вместе, но это осталось позади.

– Настолько хорошо, что ты до сих пор меня помнишь? – Он стоял так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и его ответный взгляд разжег в ней огонь.

– Твоя самоуверенность не перестает меня удивлять, – отрезала Иден, проклиная себя за то, что ее голос звучит хрипло и неуверенно, тогда как она решила быть твердой и хладнокровной.

– Но я сказал чистую правду. Я не забыл ни тебя, ни того, что было между нами.

Нет, я не должна верить этим красивым словам, приказала себе Иден, чувствуя, как у нее по спине бегут мурашки.

– Между нами был секс, – процедила она, – но я уверена, что за четыре года в твоей постели побывало немало женщин.

– Ни одна из них не могла сравниться с тобой, – заверил

ее Рейф; его черные глаза весело блестели.

Пока Идеи переваривала его слова, он притянул ее к себе и безжалостно впился губами в ее рот. В этом поцелуе не было ни ласки, ни сожаления о годах, проведенных в разлуке, лишь агрессия, желание продемонстрировать свою власть над ней.

Идеи показалось, что она после изгнания снова оказалась в раю. Как ей удалось так долго без него прожить? Когда его язык властно раздвинул ее губы, исчезли остатки самообладания и она покорно приоткрыла рот. Рейф застонал от восторга. Запустив одну руку в ее волосы, другой он поглаживал ее по спине, спускаясь все ниже и ниже. Упиваясь каждым прикосновением, Иден обвила руками его шею. Но когда его пальцы проскользнули под блузку, она замерла. Рейф никогда не отличался терпеливостью и в пылу страсти часто игнорировал застёжки и просто срывал с нее одежду. Вернувшись к реальности, Иден поняла, что находится в объятиях Рейфа – там, где она поклялась больше никогда не быть.

Почувствовав ее сопротивление, Рейф поднял голову. Его взгляд был жестким и холодным. Когда он схватил Иден за запястья и убрал ее руки со своих плеч, она испытала стыд и отвращение.

– Тебя всегда было легко завести, – лениво протянул он, и Иден резко отпрянула, ослепленная слезами гнева.

– Убирайся, – приказала она, не в силах смотреть на него, – а то я вызову полицию и обвиню тебя в сексуальных

домогательствах. Мне не нужно твое прощение, и, несмотря на то, что ты считаешь себя подарком для любой женщины, я тебя не хочу.

– Мне начать с плохой или с хорошей новости? – спросил Нев, когда Иден на следующее утро пришла к нему в агентство.

После вчерашней сцены и бессонной ночи ей не хватало только новых проблем. Она нахмурилась.

– Что еще стряслось? Не тяни.

– Квартира в районе Коб-Три больше не сдается.

– Но ведь все уже было обговорено, – в панике воскликнула Иден. – Я должна покинуть коттедж в конце этой недели.

– Я знаю, – сочувственно произнес Нев. – Владелец квартиры позвонил мне утром и сказал, что получил более выгодное предложение.

– О боже! Что мне делать? Клифф пригласил пожить у него, но сейчас, когда у них с Дженни родился ребенок, я не хочу им мешать.

– Неожиданно появилась еще одна возможность, – сообщил Нев, и она с надеждой уставилась на него.

– Ты нашел для меня доступное жилье? В Уэллворсе?

– Да, это Дауэр-Хаус – самый роскошный особняк в городе.

– С соответствующей арендной платой, – кисло произнесла Иден. – Мне казалось, ты сдал его.

– Это так, но компания, подписавшая на год договор об

аренде, попросила меня найти домоправительницу. Я разговаривал с исполнительным директором Хэнком Моллоем, – продолжил Нев. – Компания, на которую он работает, является всемирной организацией, и им нужен дом в Англии для руководителей высшего звена. Мистер Моллой сказал, что планирует привезти туда в конце лета своих внуков. Возможно, кто-нибудь приедет на Рождество, но большую часть года дом будет пуст. Требуется экономка, которая постоянно проживала бы там и поддерживала порядок.

– Но у меня уже есть работа в «Газетт», – заметила Иден. – Кроме того, я ужасно готовлю.

– Тебе не придется готовить, только следить за уборщиками, заказывать продукты, сдавать вещи в прачечную. Это будет решением твоих проблем, Иден, не говоря уже о моих. Хэнк Моллой человек серьезный и во всем любит порядок. Когда я сказал ему, что у меня есть на примете человек, подходящий на эту должность, он сразу же прислал по факсу контракт.

– Значит, я буду работать на компанию мистера Моллоя? – спросила Иден.

– В контракте лишь один камень преткновения, но, думаю, ты сможешь предупредить их за три месяца, если захочешь уйти.

– Не проблема. Я никуда не тороплюсь, – ответила Иден. – Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, и мне кажется, что здесь есть какой-то подвох.

– Поговори сама с мистером Моллоем, – сказал Нев, набирая телефонный номер и протягивая ей трубку.

После этого разговора у Иден не осталось никаких сомнений насчет подписания контракта. Она чувствовала себя так, словно у нее с плеч свалилась тяжелая ноша, и тепло улыбнулась Неву.

– Ты просто чудо. Не знаю, как и благодарить тебя.

– Для начала мы могли бы поужинать вместе, – предложил он.

Иден помедлила. Нев был отличным парнем, но как мужчина он ее не интересовал, и несправедливо обнадеживать его, но с другой стороны, это всего лишь приглашение на ужин. Она находилась в смятении с тех пор, как в ее жизнь снова ворвался Рейф. Ей нужно немного отвлечься, чтобы выкинуть из головы мысли о нем.

Дауэр-Хаус был роскошным особняком, построенным в восемнадцатом веке. Просторный дом с шестью спальнями, окруженный несколькими акрами земли, был полностью отреставрирован, и Иден влюбилась в него сразу же, как только вошла внутрь. Предложение поработать экономкой невероятная удача, подумала она, поднимаясь в спальню, которую выбрала для себя. Но ей по-прежнему чудился подвох.

Ночь была жаркой. Весь день собиралась гроза, и когда Иден открыла окно, на улице по-прежнему было душно и зловеще тихо. Последние несколько дней утомили ее: она перевозила свои вещи в Дауэр-Хаус. Все же Иден боялась ве-

черов. Бездействие давало ей время для раздумий, при этом все мысли были обращены к одному мужчине, к той близости, которая когда-то была между ними. Это иллюзия, сердито напомнила она самой себе. Чувство, что он был ее второй половинкой, властелином ее души, – плод воображения. Нужно забыть его. Рейф, бесспорно, выкинул из головы мысли о ней и, наверное, находится на другом конце света со своей шведкой или новой пассией.

Иден взяла пузырек с болеутоляющими таблетками, которые прописал доктор: у нее ныла нога. Обычно ей удавалось игнорировать тупую боль, но сегодня хотелось погрузиться в блаженное забытье.

Когда несколько часов спустя Иден открыла глаза, комнату на миг осветила вспышка молнии. Она лежала в темноте, удивляясь, почему ее кожу покалывает, а уши прислушиваются к малейшему шороху.

Незванный гость или разыгравшееся воображение? – гадала она, когда снизу донесся шум. Увидев слабый свет под дверью гостиной, Иден до смерти перепугалась; сердце неистово колотилось, ладони были мокрыми от пота, когда она на цыпочках спускалась вниз. Проклиная себя за то, что оставила мобильный телефон в спальне, девушка поняла: единственный выход – выскользнуть из дома и побежать к соседям за помощью. Но она была в пижаме, а на улице шел дождь. Вдруг дверь гостиной распахнулась, и Иден схватила первое, что попало под руку.

– Тебе не кажется, что сейчас не самое подходящее время заниматься цветами? – послышался знакомый хриплый голос. – Что ты делаешь, сага?

– Что я делаю? – переспросила Иден, когда к ней вернулся дар речи. Она поставила на буфет тяжелую вазу, но чувство облегчения тут же уступило место гневу. – Еще чуть-чуть, и я бы ударила тебя вазой по голове.

По ее тону Рейф понял, что она бы с радостью это сделала. Ее щеки горели, волосы рассыпались по плечам, и его захлестнула волна нежности и желания.

– Кажется, у тебя вошло в привычку входить в мой дом без приглашения, – отрезала Иден. – Как ты проник сюда? Только не говори, что входная дверь была открыта. Я заперла ее.

Когда Рейф в ответ показал ей ключ, она очень удивилась.

– Вообще-то, это мой дом, – мягко поправил он.

– С каких пор тебя зовут Хэнк Моллой?

– Хэнк является исполнительным директором одной из дочерних компаний «Сантини корпорэйшн», которая арендовала для меня этот дом. Я так понял, ты моя экономка. Добро пожаловать.

Она с самого начала знала, что здесь ее ждут неприятности. Этот подлый, бессовестный тип, казалось, забавлялся, разглядывая Иден с головы до ног. Он смотрелся настолько сексуально в черных джинсах и кожаной куртке, что ей пришлось призвать на помощь все свое самообладание.

– Полагаю, у тебя была веская причина, чтобы обманным путем заставить меня подписать контракт.

– Их было несколько, – улыбнулся он.

– Может, объяснишь?

– Будет понятнее, если я покажу. – Рейф в один миг очутился рядом с Иден и, положив ладонь ей на затылок, запрокинул ее голову. Сопротивление было невозможным, так как мускусный запах его одеколона будоражил ее чувства. Он прижал ее к груди, и она ощутила биение его сердца под своей ладонью. Рейф целовал Иден до тех пор, пока ее губы не припухли, пока тело не стало мягким и податливым. Когда он немного отстранился, Иден отчаянно прильнула к нему, желая продолжить эти сладкие мгновения.

– Почему ты меня преследуешь? – прошептала она, обхватив себя руками, когда Рейф отпустил ее. – Что тебе от меня надо?

Ответ прост, но она не готова услышать его, мрачно подумал Рейф, испытывая угрызения совести при виде ее дрожащих губ. Наверное, ему следует уйти и забыть о той близости, которая когда-то была между ними, но все эти четыре года он беспрестанно думал об Иден.

– Это вряд ли можно назвать преследованием, сага mia. Ты находишься в моем доме, спишь в моей постели, – добавил он, когда она со злостью посмотрела на него.

– Ты правда думал, что я поверю в простое совпадение?

Рейф пожал плечами.

– Хотя все было спланировано заранее, я не был полностью уверен в том, что твой друг предложит именно твою кандидатуру на должность экономки. Он мог с таким же успехом отдать это место своей пожилой секретарше. Должен признаться, ей бы я не оказал такого восторженного приёма.

Его глаза весело блестели, и Иден разрывалась между желанием ударить Рейфа и расплакаться. Она забыла, как ему нравилось поддразнивать ее, забыла об искрометном чувстве юмора, о том, как они смеялись вместе, и не хотела это вспоминать.

– Думаю, Глория отлично меня заменит, – холодно произнесла Иден, – потому что я не собираюсь оставаться здесь с тобой. – Затем она помчалась наверх в свою спальню и, достав из-под кровати чемодан, начала складывать туда одежду. Когда в дверях появился Рейф, она сделала вид, что не замечает его.

– Ты знаешь, что на улице дождь? – мягко спросил он.

– Мне все равно. Лучше быть застигнутой ураганом, чем остаться еще хотя бы на минуту под одной крышей с тобой. – Рейф загораживал ей проход, но Иден отчаянно толкнула его в грудь, желая поскорее уйти отсюда, прежде чем совершит какую-нибудь глупость. – Почему ты не понимаешь, что я не хочу давать нашим отношениям еще один шанс? – крикнула она, ожидая, что за этим последует вспышка гнева, но ошиблась.

– Вот поэтому, – мягко ответил Рейф. На сей раз его поцелуй был таким нежным, что слезы, которые она тщательно сдерживала, покатались по щекам. Взяв ее лицо в свои ладони, он углубил поцелуй, чувствуя, что она не в силах сопротивляться.

Когда Рейф наконец отпустил Иден, ее глаза потемнели. Как мог один-единственный поцелуй пробудить в ней такое сильное желание? Черт побери, что произошло с ее гордостью?

– Дай мне уйти, – взмолилась Иден, но он лишь улыбнулся в ответ.

– Я завтра улетаю в Канаду, после гонок возвращаюсь в Италию, а затем отправляюсь в Бахрейн. Согласно контракту, в случае своего ухода ты должна предупредить работодателя за три месяца, – напомнил ей Рейф. – В выходные в Оксфорд приезжает один из моих исполнительных директоров, чтобы взять под контроль управление заводом, который недавно приобрела «Сантини корпорэйшн». Бруно с женой и четырьмя детьми пожелал остановиться здесь.

Его тон был дружелюбным, но Иден почувствовала за словами железную решимость и сильнее вцепилась в ручку чемодана.

– Нев найдет кого-нибудь еще на место домоправительницы, – возразила она. – Я не позволю мной манипулировать, Рейф. Раньше тебе это удавалось, но теперь чары рассеялись, и я не собираюсь бежать к великому Сантини со всех ног по

первому требованию.

– Но тебе больше некуда идти, – сказал Рейф, и Иден заметила, что он с трудом сдерживает гнев.

– Я найду, где жить. Если бы в последнюю минуту не появился покупатель, меня бы сейчас здесь не было. – Вдруг ей в голову пришла невероятная мысль. – Квартира в Коб-Три – ты не мог... Скажи мне, это ты?... – Пара сотен тысяч фунтов для него небольшая сумма, но неужели он купил квартиру лишь для того, чтобы она не смогла ее снять?

– Это небольшое вложение денег, – лениво заметил Рейф, – хотя местоположение не бог весть какое.

– Ты ублюдок, Рейф. Я не позволю тебе так со мной обращаться. Я даже не знаю, для чего ты это делаешь. Хочешь наказать меня за проступок, которого я не совершала?

Рейф угрожающе навис над ней. Он привык добиваться своего и не любил, когда ему перечили.

– Я считаю, за наши отношения стоит бороться, – горячо произнес он, – а для этого все средства хороши.

– Для чего именно?

– Для того, чтобы ты снова оказалась в моей постели – там, где твое место.

Несколько секунд Иден пребывала в нерешительности, но затем туман рассеялся, и она покачала головой.

– Я больше не твоя, Рейф. Четыре года назад ты отпустил меня, и я не собираюсь возвращаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Иден проснулась, комната была залита солнечным светом. Взглянув на часы, она обнаружила, что уже десять. Аромат свежемолотого кофе, доносящийся из кухни, свидетельствовал о том, что непрощенный гость все еще находится в доме.

– Доброе утро, сага, – лениво поприветствовал ее Рейф, отложив в сторону газету.

– Я думала, ты уже уехал, – отрезала она, хотя при виде его ее сердце затрепетало.

– Ты не была такой ворчливой, когда проводила ночи в моей постели. Хочешь, я тебя взбодрю?

– Единственное, что может меня взбодрить, – твое исчезновение.

– На это можешь даже не надеяться, – ухмыльнулся Рейф. – Хочешь кофе?

Иден проигнорировала его вопрос.

– Итак, я должна знать, когда ты уезжаешь и когда придет твой исполнительный директор с семьей. Желательно, чтобы меня заранее предупреждали о визитах, хотя, очевидно, ты не считаешь это необходимым.

– Вчера вечером я звонил тебе несколько раз, – холодно сказал Рейф, – но, должно быть, ты была занята или куда-то выходила.

Ее раздражал его тон. Какое право он имеет осведомляться о каждом ее шаге?

– Я ужинала с Невом, – заявила она. – Мы поздно вернулись.

– Ты развлекала его здесь? Это не очень разумный поступок, сара. Больше так не делай.

– Извини, но какое право ты имеешь запрещать мне общаться с друзьями? Я не развлекала Нева в том смысле, в каком ты подумал. Я просто угостила его чашкой кофе. При сложившихся обстоятельствах это звучит нелепо, но я хотела отблагодарить его за то, что он предоставил мне возможность жить в Дауэр-Хаусе.

– Я просто хотел убедиться, что ты не испытывала искушения отблагодарить его более щедро, – вкрадчиво произнес Рейф, и она пришла в ярость.

– Я буду делать то, что захочу, а ты можешь убираться к черту, – заявила Иден, уперев руки в бока.

– Только не в моем доме, сара mia.

Он был самым самоуверенным, самым дерзким из всех мужчин, которых она когда-либо знала. Иден захотелось по-детски затопать ногами.

– Хорошо, я увольняюсь. Завтра заберу отсюда свои вещи, и тебе придется искать другую экономку.

– Ты подписала договор.

– Который аннулируют в суде, – с вызовом бросила она.

Рейф небрежно пожал плечами.

– Возможно. Тогда поползут слухи, что твоему другу Монктону нельзя доверять подбор персонала, а это отрицательно скажется на его бизнесе.

– Я тебя ненавижу. – Ее запас колкостей иссяк. – Ты привык добиваться своего, не так ли?

– Да, я привык побеждать, и тебе давно пора это понять, сага. – Сложив газету и убрав ее в портфель, Рейф пристально посмотрел на нее. – Бруно должен приехать в четверг. Он в курсе, что днем ты работаешь в газете, но ему не требуется круглосуточная obsлуга. Тем не менее я считаю, что тебе следует раньше вставать и более прилично одеваться.

Иден глубоко вдохнула и досчитала до десяти, пока он ее разглядывал. Она проспала и в спешке натянула первое, что попало под руку. На ней были полинявшие джинсы, забрызганные краской, и футболка, севшая при стирке и плотно облегающая тело. Когда Рейф уставился на ее грудь, она пожалела, что не надела бюстгальтер.

– Тебе холодно, сага? – насмешливо спросил он. Покраснев, Иден сложила руки на груди, чтобы прикрыть выступающие соски. Хуже всего то, что сам Рейф был безукоризненно одет. В отлично скроенном костюме и шелковой рубашке с галстуком он, скорее, походил на главу международной компании, чем на гонщика. Впрочем, сейчас, когда его отец был нездоров, ему приходилось выполнять обе функции.

– Давай договоримся. Я поднимусь к себе и надену что-нибудь более приличное, а ты... ты просто уйдешь!

Его смех преследовал ее до самой двери спальни, которую она захлопнула с большим удовольствием.

Когда Иден снова спустилась вниз, там никого не было, и она обрадовалась. Нужно забыть Рейфа и думать о будущем. Поставив чемодан в холле, она застонала, вспомнив, что оставила окно спальни открытым. Хотя она не собиралась оставаться здесь, ей не хотелось, чтобы дом ограбили.

Запирая застекленную дверь гостиной, ведущую на террасу, Иден краем глаза заметила какое-то движение в саду. Рейф стоял у пруда, сложив руки на груди. Он показался ей таким же самоуверенным и высокомерным, как всегда, пока она не пригляделась внимательнее.

Он постарел, подумала она с болью в сердце. В конце концов, прошло уже четыре года, а профессия гонщика требовала от человека много физических и моральных усилий. Иден помнила, как Рейф собирался перед каждой гонкой. В молодости его отец Фабрицио был блестящим инженером. Женильба на дочери богатого производителя машин дала ему возможность создавать эксклюзивные автомобили, которые стали одним из главных товаров, экспортируемых из Италии. Компания динамично развивалась, но, когда Рейф за рулем болида, разработанного его отцом, завоевал свой первый чемпионский титул, автомобили «сантини» стали ставить в один ряд такими мировыми лидерами, как «феррари» и «рено». Казалось, престиж и процветание «Сантини корпорэйшн» и целой страны зависели от этого молодого че-

ловека. Рейф стал национальным героем, но цена звания была слишком высока, а мысль о поражении недопустима.

Когда однажды Рейф признался ей, что на вершине очень одиноко, Иден оглядела толпу гостей, пришедших отпраздновать его победу, и рассмеялась. В то время ей казалось, что он шутит. Какое одиночество, когда все восхищались им, стремились хоть чуточку побыть рядом с Сантини? Глядя на него сейчас, Иден вдруг поняла это, и ей стало стыдно, потому что она ничем не отличалась от многочисленных поклонников, жаждущих урвать свою долю его внимания.

Вдруг Рейф поднял голову и поймал ее взгляд, но вместо того, чтобы смущенно отвернуться, Иден смотрела на него, потрясенная печалью, таившейся в глубине черных глаз. Но ресницы опустились, и это выражение исчезло. Она подошла к нему.

– С чего ты взяла, что я собираюсь жениться на Валентине? – тихо спросил он, и Иден перевела взгляд на клумбу с маргаритками.

– Мне сказал Джанни.

– Джанни? – Рейф не пытался скрыть своего потрясения. – Я тебе не верю.

– Но это правда, – настаивала она. – В тот вечер, когда ты увидел нас у бассейна, между нами ничего не было. Джанни просто рассказывал мне о давней договоренности, существующей между семьями Сантини и де Доменичи, и о том, что ты решил жениться на Валентине, чтобы доставить удо-

вольствие Фабрицио.

– Но я не марионетка, – яростно отрезал Рейф, – а на дворе уже двадцать первый век. Такие браки вышли из моды несколько столетий назад.

– Ты хочешь сказать, что никогда не говорил об этом с Фабрицио?

– Говорил, – пожав плечами, признался он. – Отцу действительно понравилось бы, если бы я женился на Валентине, но он знал, что этого не случится.

– Однако Джанни убедил меня в обратном! – отчаянно воскликнула она. Рейф впервые согласился выслушать ее, но презрение и недоверие в его глазах мешали ей говорить. – Он объяснил, что твое решение сделать наши отношения достоянием общественности было уловкой. Ты знал, что о нашем разрыве напишут на первых страницах газет, а это будет приятно Валентине и ее семье. Но если ты думал, что я останусь твоей любовницей после вашей женитьбы, то ты плохо меня знал.

Рейф напрягся. Его голос был обманчиво мягким, когда он спросил:

– Так сказал Джанни? Мой брат, который умер и не может себя защитить. Ты здорово придумала, ничего не скажешь.

– Зачем мне лгать? – сердито бросила Иден. – Джанни не хотел ничего говорить, но в последние несколько недель наши с тобой отношения дали трещину. Ты был холодным и отчужденным, и я подозревала, что надоела тебе. Тогда я на-

чала доносить Джанни, пока он наконец не поведал о твоих планах. Когда ты застал нас вместе, твой брат утешал меня. Между мной и Джанни ничего не было, несмотря на все, что он тебе сообщил о нашей с ним тайной связи.

– Значит, такова твоя версия? – сардонически протянул он, лишив ее последней надежды. – Это самое лучшее, что ты смогла придумать, сага?

– Правда заключается в том, – спокойно начала она, – что ты лживый ублюдок, который надеялся упрочить свое социальное положение, женившись на дочери аристократа, при этом желая, чтобы я оставалась твоей любовницей. Это бесполезно. Ты принял решение относительно меня четыре года назад, и у тебя до сих пор не хватает духа признаться, что ты был неправ.

– Я видел вас вместе не только тем вечером. Ты всегда заглядывалась на Джанни.

– Он – единственный член вашей семьи, который был добр ко мне, – сказала Иден в свое оправдание. – Твой отец ясно дал понять, что презирает меня, и все остальные последовали его примеру и стали обращаться со мной, как с прокаженной. Но для меня не существовало никого, кроме тебя, – печально прошептала она. Рейф был единственным мужчиной, которого она когда-либо любила, настоящей причиной, по которой последние четыре года жила в постоянном страхе. Лишь забота о собственном выживании могла отвлечь ее от мыслей о нем. Рейф, напротив, провел эти годы, путеше-

ствуя по миру и общаясь с самыми красивыми женщинами. – Как ты смеешь обвинять меня в том, что я тебя обманывала, когда сам каждую неделю появлялся на людях с новой пассией? – горько произнесла Иден.

– Не могу отрицать, у меня были другие любовницы, – сказал он, пожав плечами, и его слова вонзились в сердце Иден острым ножом. – Но пока мы были вместе, я хранил тебе верность и не заглядывался на членов твоей семьи.

Почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы, Иден резко повернулась и направилась к лестнице, ведущей в дом.

– Другие женщины ничего для меня не значили, – произнес Рейф, останавливая ее и поворачивая к себе лицом. – Занимаясь с ними любовью, я закрывал глаза и представлял на их месте тебя. – Он наклонил голову, и его губы оказались рядом с ее ртом. – Это правда, – прошептал он, прежде чем они слились в поцелуе, который заставил ее забыть обо всем.

Иден начала отчаянно сопротивляться, но Рейф крепко прижал ее к своей груди и положил руку ей на затылок. Представляя себе, как он лежал в постели с другими женщинами, она сжалась. Его язык пытался проникнуть ей в рот, но она не позволила. Это было невыносимо, и она ненавидела его, но в то же время ей становилось все труднее и труднее бороться с собственным желанием. Рейф слишком хорошо ее знал, и вот руки Иден медленно разжались и обвились вокруг его шеи, зарылись в шелковистые черные волосы. Он усилил натиск, и она перестала сопротивляться, лишь тихо

вздохнула, когда его рука скользнула по ее спине вниз. Иден почувствовала, как он напряжен.

– Прошедшие четыре года я каждую ночь мечтал вновь заняться с тобой любовью, – хрипло сказал он, подняв голову, но Иден была не в состоянии ему ответить. Ее губы припухли от поцелуев, и когда она провела по ним кончиком языка, Рейф прищурился, затем пробурчал что-то по-итальянски и опустил ее на траву. Она попыталась подняться. Но он прижал ее к земле. Над головой шуршала листва, сквозь причудливый узор которой было видно безоблачное голубое небо. Сладкий запах травы смешивался с ароматом его одеколона, и каждый нерв в ее теле затрепетал от осознания того, что это единственный мужчина, которому она когда-либо принадлежала. Его рот снова завладел ее губами, на этот раз нежнее, но не менее страстно.

Он задрал футболку Иден, и его глаза потемнели при виде ее обнаженной груди.

– Мои мечты не были так прекрасны, – прошептал Рейф, и Иден задрожала всем телом. Когда он коснулся языком ее затвердевшего соска, она, впившись ногтями в его спину, выгнулась дугой навстречу ласкам.

Только когда он растянул ее джинсы и спустил их вниз, она подумала о том, что он может увидеть шрамы у нее на ноге. Что она делает? Она сошла с ума? Он считает ее обманщицей. Его мнение о ней – хуже некуда, однако она занимается с ним сексом на траве.

Почувствовав, что ее тело внезапно напряглось, Рейф остановился и стал наблюдать за тем, как она отчаянно пытается освободиться.

– Нет, я не хочу этого, – яростно произнесла Иден, и он, рассмеявшись, отодвинулся и уставился в небо.

– Я заметил, сага. Ты вообще знаешь, чего хочешь? – холодно спросил Рейф, глядя, как она одергивает футболку и поднимается.

– Уж точно не тебя.

– И поэтому ты убегаешь? Я споткнулся о твой чемодан в холле.

Иден покраснела.

– Я думала, ты уже уехал.

– И ты ждала этого, чтобы улизнуть?

– Ты же знаешь, что я не могу здесь оставаться, – отрезала она.

Рейф перевернулся на бок и, приподнявшись на локте, стал молча изучать ее.

– А если я попрошу тебя остаться?

– Назови хотя бы одну причину, по которой мне следует это сделать.

– Мы должны дать нашим отношениям еще один шанс, – мягко сказал Рейф.

Иден покачала головой, отказываясь слушать свое сердце.

– Мы уже говорили об этом. Я не хочу иметь никаких отношений с человеком, который мне не доверяет. Я никогда

тебе не лгала, – произнесла она с такой укоризной, что у Рейфа сжалось сердце.

– И это означает, что Джанни, мой любимый младший брат, которому я верил, как себе, лгал, – растерянно пробормотал он. – Я не виноват в той аварии, – тихо добавил он, медленно поднимаясь. Иден коснулась его руки, чтобы утешить. Рейф казался сломленным; ей было больно за него, и горечь лет, проведенных в разлуке, внезапно забылась.

– Я знаю, – заверила его Иден, но, похоже, он не слышал ее, погруженный в свои мысли.

– Я любил его и думал, что соперничество между нами не так серьезно, как считали многие. Только на гран-при Венгрии я понял, насколько все сложно. Джанни отчаянно хотел победить, и я мог его пропустить. Мне следовало это сделать. Но он рискнул и прибавил скорость на повороте. Никогда не забуду, как его автомобиль вынесло за пределы трассы. – Рейф медленно вошел в дом, и Иден поспешила за ним. – Той ночью, находясь в отделении интенсивной терапии и глядя на Джанни, подключенного ко всем этим аппаратам, я пообещал себе, что больше ничто никогда не встанет между нами и я положу конец ссоре, которая разделила нас.

– Из-за чего вы поссорились? – с замирающим сердцем прошептала Иден, ожидая ответа. – Это из-за меня? – Его немой кивок подтвердил самое худшее, и она с трудом сдержала слезы. – Неудивительно, что ты меня ненавидишь. Это

я виновата в том, что произошло с Джанни.

– В том, что произошло, виноват он сам, – твердо сказал Рейф. – Мне понадобилось три года, чтобы это понять. Он пошел на необдуманый риск и дорого поплатился за это, но наблюдать, как он пытался примириться с тем, что на всю жизнь останется парализованным, было очень тяжело. Я чувствовал себя виноватым, потому что имел все, а он – ничего. Потерять тебя было нелегко, но это ничто по сравнению с той мукой, которая ему предстояла. Я так и не смог его спасти. Он предпочел покончить с собой.

Впервые за все это время Иден поняла, какими тяжелыми стали прошедшие несколько лет для Рейфа. Он был потрясен, застав ее в объятиях брата, и поверил Джанни, а не ей. Она была слишком обижена, чтобы попытаться защитить себя, но к тому времени, когда гнев Рейфа остыл и он, возможно, выслушал бы ее, Джанни попал в аварию.

– Я должен ехать. Меня ждет самолет, – заявил Рейф, надевая пиджак – Куда ты пойдешь? К Невиллю Монкстону?

– Нет! Между нами ничего нет. Я не знаю, что мне делать дальше, – призналась Иден.

Она правда не знала, что думать; как реагировать на его слова, но у Рейфа не было времени, чтобы подробнее все с ней обсудить.

Когда Рейф медленно шел к машине, у Иден возникло такое чувство, будто он не хочет уезжать. Рев заводящегося мотора напомнил о тех временах, когда она, охваченная мрач-

ными предчувствиями, стояла рядом с трассой, по которой с оглушительной скоростью мчались автомобили.

– Рейф!

Он уже находился в конце подъездной аллеи, но, увидев ее в зеркало, притормозил и опустил стекло.

– Что случилось, *cara*?

– Будь осторожен, – наклонившись, прошептала Иден, и от его улыбки у нее перехватило дыхание.

– Я обещаю быть осторожным, если ты пообещаешь мне остаться. – Он не дал ей возможности ответить, запустив руку в ее волосы и поцеловав с такой нежностью, что у нее на глазах выступили слезы. – Договорились?

Иден была не в силах вымолвить ни слова и лишь пристально смотрела на него, не подозревая, что глаза выдают ее чувства. Впереди еще долгий путь, подумал Рейф, но он должен его пройти.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Вы полностью поправились, – сказал хирург, изучая рентгеновские снимки ноги Иден. – Раздробленные части кости срослись, но металлические штыри, которые их соединяют, останутся. Вижу, что шрамы немного побледнели.

Иден не видела особого улучшения в багровых рубцах, тянущихся по всей длине голени, но, видя искреннюю радость доктора, не стала жаловаться. Правда заключалась в том, что ей посчастливилось остаться в живых, а, встретившись с многочисленными жертвами взрывов, многие из которых потеряли конечности, она поняла, что несколько шрамов – это сущие пустяки.

– Можете пройти за ширму и одеться. Придете ко мне через полгода. – Доктор Хиллер нахмурился, услышав, как медсестра в приемной воскликнула:

– Вы не можете войти!

– Вы только посмотрите, – услышала Иден голос хирурга. – Боже мой! Рафаэль Сантини, что вы здесь делаете?

Хороший вопрос, подумала Иден, быстро натягивая джинсы.

– Иден, где ты?

Когда она вышла из-за ширмы и увидела его после двух недель разлуки, у нее внутри все затрепетало.

– Я одевалась, – спокойно ответила она. Рейф глубоко

вдохнул; его ноздри раздувались, когда он перевел взгляд на доктора.

– Ты хочешь сказать, что раздевалась перед ним? – Черные глаза метали молнии, руки были сжаты в кулаки, и доктор Хиллер попятился к стене.

– Уверяю вас, при этом присутствовала медсестра, – нервно пролепетал он.

– Доктор Хиллер – хирург, который оперировал мою ногу, – пояснила Иден, сердито посмотрев на Рейфа. – Какое право ты имел врываться сюда? Как ты узнал, где я?

Бросив еще один испепеляющий взгляд на хирурга, Рейф вывел ее из кабинета.

– Твой друг подсказал мне, что ты на приеме у врача. Я знал, что Бруно и его семья уже вернулись в Милан, но надеялся увидеть тебя в Дауэр-Хаусе.

Их появление вызвало большой ажиотаж среди пациентов, ожидающих своей очереди.

– Может, перестанешь на меня орать? Ты должен был вернуться только завтра вечером, но даже если бы я знала, что ты приедешь раньше, все равно не смогла бы отменить прием.

– Что с тобой? – Его черные глаза изучали Иден с головы до ног, не обращая внимания на любопытных зрителей.

– Со мной все в порядке, если не считать того, что мне очень стыдно перед доктором за твое поведение.

Рейф пробормотал какое-то итальянское ругательство.

– Почему ты здесь? Зачем тебе понадобился хирург? Что у тебя с ногой? – произнес он с преувеличенным терпением, словно разговаривая со слабоумной.

Я так по нему скучала, призналась себе Иден.

– Я повредила ногу, когда работала в Африке, – объяснила она, но Рейф по-прежнему стоял посреди холла, преграждая всем путь к выходу. – Со мной произошел несчастный случай, – добавила она, и он нахмурился.

– Ты попала в аварию?

– Нет. – Немного помедлив, Иден продолжила: – Я наступила на фугас... то есть не совсем на него, иначе бы меня сейчас здесь не было, но что-то взорвалось рядом, и я... я чуть не потеряла ногу. Но сейчас полностью поправилась, – поспешно закончила она. Рейф посмотрел на нее так, будто сам был готов взорваться.

– Почему ты не сказала мне о ранении? – прорычал он.

Иден пожала плечами, раздосадованная тем, что ее так трогает его беспокойство.

– Мое благополучие тебя не касается. Ты ясно дал мне это понять четыре года назад.

Рейф что-то пробурчал себе под нос.

– Ты могла умереть.

– Но не умерла. Я здесь, и со мной все в порядке, так что можешь успокоиться.

Как он мог успокоиться? Когда" Рейф представил себе, как она лежит на земле, истекая кровью, его пронзило чув-

ство вины. Он проклинал себя за то, что его не было с Иден. Если бы он поверил ей, а не Джанни, то она не отправилась бы в Африку и не была бы тяжело ранена. Но Джанни его брат, родная плоть и кровь. Почему он солгал? Это не имело смысла.

– Если с тобой все в порядке, тогда почему ты хромаешь? – спросил он, когда они подошли к выходу.

– У меня немного болит нога, но это нормально, учитывая то, что все утро ее кололи и дергали. Ничего, я отдохну в поезде, – ответила Иден.

Рейф нахмурился.

– Я отвезу тебя в Уэллворс. Неужели ты думала, что я высажу тебя у вокзала?

– Я вообще не думала, что ты сюда приедешь, – сказала она.

Идя по улице, Иден заметила, что прохожие бросают на них любопытные взгляды. Неудивительно – красивый итальянец ростом шесть футов четыре дюйма в черной кожаной куртке и черных джинсах привлекал бы всеобщее внимание, даже если бы не был многократным чемпионом «Формулы-1».

– Послушай, раз уж мы в Лондоне, то могли бы пройтись по магазинам, но, наверное, это плохая идея. У тебя болит нога.

– Уже не болит, но это действительно плохая идея, – твердо произнесла Иден. – Ты привлекаешь к себе слишком мно-

го внимания, Рейф, и я не хочу попадаться на глаза папарацци. Они растрезвонят на весь мир, что мы снова вместе, хотя это не так.

Рейф выглядел таким ошеломленным, что она едва сдержала улыбку.

– Так лучше? – надменно спросил он, достав из кармана солнцезащитные очки и надев их.

– Да, теперь тебя не узнать. Ты похож на гангстера.

– Тебе стыдно находиться рядом со мной?

– Конечно, нет, – ответила Иден, – но я не хочу вспоминать о тех днях, когда бульварная пресса называла меня твоей очередной пассией.

– Никто так про тебя не думал, – неистово возразил Рейф, и она рассмеялась.

– Вся команда Сантини знала, что моя работа в качестве твоего пресс-секретаря была лишь прикрытием, но, даже если кто-то и не догадывался, твой отец ясно дал им понять, что я твоя шлюха.

Рейф подошел к своей машине и, вытащив из-под «дворников» уведомление о штрафе за нарушение правил стоянки, засунул его в карман, даже не взглянув.

– Как ты можешь так говорить.

– Твой отец бросил эти слова мне в лицо, – упрямо произнесла Иден.

Рейф сердито посмотрел на нее.

– Я тебе не верю. Ты лжешь.

– Ну вот опять все сначала, – устало пробурчала она. – Я не лгала тебе, Рейф, ни насчет Джанни, ни насчет Фабрицио, но я уже устала оправдываться. Твой отец презирал меня. Он хотел, чтобы ты женился на аристократке. Может, это он заставил Джанни оклеветать меня?

– Зачем? – воскликнул Рейф.

Иден отошла в сторону, ожидая, что сейчас на одной из самых оживленных улиц города разыграется ужасная сцена.

– Возможно, потому что он хотел разлучить нас, – предположила она.

В ответ на это Рейф запрокинул голову и грубо рассмеялся.

– Ему не стоило беспокоиться. Ты поняла, что один Сантини не может тебя удовлетворить, и решила заполучить второго. Мы расстались, потому что я застал тебя в объятиях Джанни.

Больше Иден не могла это выносить. Слезы были готовы хлынуть из глаз, но она не позволит себе расплакаться перед ним.

– Хорошо, ты победил. Думай, что хочешь, Рейф, но нас всегда будет разделять твое недоверие. Теперь я тоже перестану тебе верить.

С этими словами Иден покинула его. К остановке подъехал автобус. Она побежала к нему и успела запрыгнуть внутрь.

– Вам куда, милочка? – Кондуктор терпеливо ждал, пока

она вытрет слезы платочком.

– Кингс-Кросс.

– Тогда вы сели не на тот автобус. Этот идет до Мар-бл-Арч.

Да хоть до Тимбукту, лишь бы подальше от Рейфа, печально подумала она, протянув кондуктору мелочь и уставившись невидящим взором в окно.

– Итак, куда мы едем? Я думал, ты не хочешь, чтобы тебя видели в моем обществе.

Ее глаза расширились от удивления, когда Рейф сел рядом. Одному богу известно, как ему удалось попасть в автобус. Должно быть, бежал за ним до следующей остановки, но на нее это не произвело никакого впечатления.

– Не хочу, – отрезала Иден, – так что убирайся.

– Ты правда думаешь, что я позволю тебе бродить одной по Лондону в таком состоянии? – мягко спросил Рейф, и она быстро отвернулась, чтобы не утонуть в черных омутах его глаз.

– Не знаю, я не видела тебя четыре года. Почему ты всегда поступаешь так, как тебе вздумается?

– Между нами что-то есть... – начал он.

– Нет, Рейф, уже ничего нет, – перебила его Иден. – Ты погубил чувство, зарождающееся между нами, когда не поверил мне. Я не хочу тебя слушать, – добавила она, увидев, что он собрался возразить. – Я больше не хочу говорить с тобой о прошлом.

– Тогда давай сосредоточимся на настоящем, – решительно произнес он, и Иден увидела блеск в его глазах. – Мы начнем сначала и познакомимся, как двое обычных людей. Привет, я Рейф Сантини, пилот «Формулы-1».

Остальные пассажиры удивленно уставились на них, и Иден покачала головой, с трудом удержавшись от улыбки.

– Тебя нельзя назвать обычным, Рейф, – пробормотала она, когда он взял ее за руку.

– Тебя тоже, сага.

Он не выпускал руку Иден, когда они вышли из автобуса и побрели к Гайд-Парку. Ей следовало бы вырваться и потребовать, чтобы он оставил ее в покое, но правда заключалась в том, что она хотела быть с ним.

– Тебе понравились Бруно и его семья? – спросил Рейф, пока они прогуливались вдоль берега озера.

– Очень, особенно дети.

Две недели в Дауэр-Хаусе не смолкал детский смех, но сейчас Мартинелли уже в Италии. Иден понравилось их общество. Они были такими дружелюбными, что ей не оставалось времени на хандру, впрочем, она все равно тосковала по Рейфу.

Видя, как предан Бруно своей жене, Иден завидовала ей. Если бы все сложилось по-другому, возможно, у них с Рейфом все было бы так же. Когда она качала на руках малыша Мартинелли, ею овладело желание родить собственного ребенка. Она не знала, хотел ли Рейф иметь детей, но не осме-

ливалась его об этом спрашивать. Рейф Сантини был баловнем судьбы, плейбоем, гонщиком, который больше всего на свете любил скорость и развлечения. Зачем ему обременять себя семьей? – мрачно подумала она. Нет, им не суждено быть вместе. Она не супермодель и не актриса, не любит появляться в обществе и быстро ему наскучит. Нельзя допустить, чтобы он снова разбил ей сердце.

Даже в солнцезащитных очках Рейф был узнаваем. Его несколько раз останавливали фанаты, чтобы взять автограф.

– «Формула -1» сегодня вызывает большой интерес, – пробормотал он, расписавшись на футболке сногшибательной брюнетки.

– Нет, это ты вызываешь большой интерес. – Ревновать глупо, мне должно быть все равно, раздраженно напомнила себе Иден.

– С тобой невозможно разговаривать, когда ты в таком настроении. – Рейф посмотрел на маленький домик, где давали напрокат лодки. – Пойдем, на озере нас никто не увидит, разве что утки. – Он снова взял Иден за руку и, несмотря на ее возражения, потащил за собой.

– У меня нет желания кататься с тобой на лодке. Возьми кого-нибудь еще. Могу поспорить, многие женщины продали бы душу дьяволу, чтобы оказаться наедине с тобой посреди озера.

– С тобой бы и святой не выдержал! – Он поднял Иден и посадил ее в лодку, а затем снял с себя куртку и швырнул

на скамейку. Иден хотела было возразить, но, увидев Рейфа в черной футболке, которая обтягивала его, как вторая кожа, лишилась дара речи. У него великолепное тело, подумала она, не в силах отвести взгляд от мощных бицепсов, когда он греб к середине озера. У нее пересохло во рту, потому что она представила его себе без футболки, вспомнила, какова на ощупь его кожа.

Рейф Сантини был единственным мужчиной, которого Иден когда-либо хотела. Впереди ее ждала одинокая жизнь, но какой у нее выбор? Возобновить отношения с ним и наслаждаться, пока они будут вместе? Один раз она уже так поступила и знала, что на вторую попытку не хватит сил.

На озере царила тишина, и было трудно поверить в то, что оно находится в центре Лондона. Прислушиваясь к отдаленному гулу машин, Иден запрокинула голову и уставилась в небо.

– Так-то лучше, – довольно заметил Рейф. – Успокойся, сага.

– Я напряжена из-за тебя, – вздохнув, призналась девушка, и Рейф соблазнительно улыбнулся:

– Я тоже напряжен. Поможем друг другу расслабиться?

Она была не в силах сопротивляться, когда он вот так на нее смотрел. Ее манил блеск желания в его бездонных глазах, изгиб чувственного рта.

Рейф вытащил весла и наклонился к Иден.

– Сделай это, – попросил он.

– Что?

– Поцелуй меня. Я знаю, ты этого хочешь.

Гордость приказывала проигнорировать предложение, но желание сделало ее безвольной. Немного помедлив, она опустилась перед ним на колени, притянула его голову к себе и провела кончиком языка по его губам. Пусть делает, что хочет, он не станет требовать от нее большего, решил Рейф, но ему было тяжело сохранять самообладание, ведь она была такой красивой, такой теплой. Ему ужасно хотелось уложить ее на дно лодки и заняться с ней любовью при свете дня, в центре лондонского парка.

Не спеши, подсказывал внутренний голос. Вам обоим было очень тяжело, не нужно ничего ускорять.

Но когда ее язык проник в его рот, Рейфа покинули остатки здравого смысла. Застонав, он притянул Иден к себе и жадно впился в ее мягкие губы.

Когда он наконец отпустил ее, она выглядела ошеломленной; ее голубые глаза блестели.

Дура, обругала Иден саму себя. Она снова угодила в его ловушку, но это было единственное место, где ей хотелось находиться.

– Давай сходим сегодня на премьеру нового мюзикла, – предложил Рейф, когда они снова гуляли по парку.

– Я бы с удовольствием, но билеты на него были распроданы несколько месяцев назад.

– У меня есть два билета. А после мы можем где-нибудь

поужинать.

– Но я одета неподходящим образом, – возразила Иден.

Рейф пожал плечами.

– Тогда мы заедем в магазин и что-нибудь тебе купим.

– Нет. – Глупо отказываться от приглашения, но она не могла принимать от него подарки. – Выбирай, либо я сама покупаю себе одежду, либо возвращаюсь на поезде в Уэлл-ворс. – Ее руки были сложены на груди, голубые глаза с вызовом смотрели на него, и Рейф с трудом удержался от улыбки.

Он не любил, когда бульварная пресса вмешивалась в его жизнь, но гордился бы, если бы его увидели в обществе Иден Лоуренс. Ему хотелось показать всему миру, что эта красивая хрупкая англичанка снова принадлежит ему.

– Есть одна проблема, о которой ты не подумал, – нахмурившись, заметила Иден, выходя с пакетами из универмага. После того, как Рейф чуть не свел ее с ума, ходя с ней по магазину и давая советы, она попросила его подождать в машине. Он хотел, чтобы она купила короткое платье, и это приводило ее в отчаяние. Увидев ее ногу, он не стал бы на этом настаивать. – Где я буду переодеваться? – обеспокоенно спросила она.

В ответ Рейф нежно улыбнулся.

– Я забронировал для нас номер в отеле, сара.

– Тогда тебе придется отменить заказ. Я не собираюсь оставаться с тобой в одном номере.

– Ты правда мне не доверишь? – спросил он, убирая ее

пакеты в багажник.

Иден задумчиво посмотрела на него.

– Да, не доверяю, – тихо ответила она. – Ты разочаровал меня, Рейф, и давай больше не будем об этом.

Они молча ехали по лондонским улицам. У Иден болела нога, хотелось вернуться домой, но это был так же дом Рейфа. Ей некуда деваться.

Отель, в котором они остановились, был одним из лучших в Лондоне. При виде окружающей роскоши у Иден перехватило дыхание. Рейф первым делом пошел в ванную. Она могла бы надеть платье в гостиной, но сперва ей хотелось принять душ.

Увидев огромную двуспальную кровать, она чуть не убежала, не желая признаваться себе в том, что разделить ее с Рейфом для нее большое искушение. Разумнее всего было бы выскользнуть из отеля, поймать такси, доехать до вокзала и на поезде вернуться в Уэллворс, но разум покинул ее. Каждая нервная клеточка звенела в ожидании того, чего она всеми силами должна была избежать.

Когда Рейф вышел из ванной в одном полотенце на бедрах, воображение безжалостно дорисовало то, что под ним находилось. Серебристые капельки воды запутались в курчавых волосках на груди, и Иден почувствовала, как внизу живота разлилось сладкое тепло.

– Ты чего-то хотела, *cara*? – невозмутимо произнес он, и Иден, краснея, с трудом отвела взгляд от его великолепного

тела.

– Я... э-э... мне нужно переодеться, – пролепетала она.

Рейф удивленно поднял брови.

– Твоя спальня находится по ту сторону гостиной, но я буду только рад, если ты поделишь со мной мою.

– Ты мог бы сказать об этом раньше, – яростно бросила она.

Его сардоническая ухмылка свидетельствовала о том, что он предполагал такую реакцию.

– Ты решительно настроена думать обо мне самое худшее, но позволь кое-что прояснить. Я еще не настолько отчаялся, чтобы хитростью заманивать тебя к себе в постель. Да, я хочу тебя, – продолжил он, небрежно пожав плечами, – но не собираюсь овладевать тобой насильно, так что можешь снять маску оскорбленной невинности. И перестань смотреть на меня такими большими голодными глазами, словно умоляя бросить тебя на кровать, сорвать одежду и вознести на вершину эротического наслаждения.

– Но я совсем не хочу этого, – возразила Иден, и его черные глаза сузились.

Тяга друг к другу была такой сильной, картины, нарисованные Рейфом, такими яркими, что в конечном итоге один из них точно не выдержит.

– Что только доказывает мою правоту, сага, – мягко протянул он. – Ты лгунья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Платье, которое Иден приобрела для похода в театр, было персикового цвета. Длинная юбка прикрывала ноги, в то время как лиф, наоборот, был слишком открытым. Платье очень откровенное, и Иден, стоя перед зеркалом, горько жалела о том, что купила его, поддавшись внезапному порыву понравиться Рейфу.

Интересно, найдет ли он ее привлекательной? Однажды он признался, что обожает, когда она обвиняет его своими длинными ногами.

Что сказал бы Рейф, увидев мои шрамы? – подумала она, а затем покачала головой. Она никогда не покажет ему большую ногу.

– Отличное платье, – похвалил он, когда Иден наконец вышла из своей спальни. – Ты всегда была для меня самой красивой женщиной в мире.

Рейф явно ей льстит, ведь он постоянно окружен вниманием фотомоделей.

– Спасибо, – ответила она.

– Через минуту за нами придет машина и отвезет в театр. Поужинаем после представления. Ты не против, сага?

Иден могла бы стоять вот так весь вечер и смотреть на него. В черном костюме он выглядел просто неотразимо. Пожалуй, сегодня вечером она ничего не будет пить, иначе не

устоит перед ним.

В дверь постучали, и служащий принес в номер два бокала шампанского и букет кремовых роз. Передав ей один цветок, к которому была прикреплена булавка, Рейф сказал:

– Я подумал, что ты захочешь приколоть розу к корсажу. – Посмотрев на ее обнаженные плечи, он добавил: – Но, кажется, ее негде прикрепить.

– Можно вот сюда, спереди, – произнесла Иден, опьяненная его близостью.

Взяв у нее цветок, Рейф приколот его так, что он оказался в ложбинке на груди.

– Как повезло этой розе, – поддразнил он, и все ее хладнокровие куда-то улетучилось.

Она хотела его, и ему об этом было известно, но пока они в театре, можно расслабиться и наслаждаться его обществом.

Мюзикл с участием знаменитых актеров произвел на Иден большое впечатление. За ужином Рейф рассказывал ей забавные истории из своей жизни, и она увидела в нем человека, в которого влюбилась четыре года назад. Он весь вечер развлекал ее, ни слова не говоря о прошлом, и Иден это устраивало. В данный момент ее интересовало только то, что происходило здесь и сейчас. Вчерашний день был полон боли и разочарования, в завтрашнем нет никакой уверенности, но сегодня внимание Рейфа целиком и полностью принадлежало ей, и она собиралась этим воспользоваться.

Когда приехал лимузин, Иден порадовалась, что они ре-

шили переночевать в отеле, а не возвращаться в Уэллворс. Кожаные сиденья автомобиля были мягкими, и она задремала, не осознавая, что положила голову на плечо Рейфу. Ее разбудил чей-то голос, и, открыв глаза, она увидела его лицо. Оно было так близко, что она могла разглядеть крошечные морщинки в уголках его рта. Она все еще спит или это реальность? В ее сне Рейф наклонил голову, и Иден почувствовала прикосновение его губ, легкое, словно пух. Он действительно поцеловал ее или ей это приснилось? Иден провела кончиком языка по губам, словно желая почувствовать вкус его поцелуя.

Когда они вышли из машины, Иден изо всех сил старалась не хромать, но ее усилия не укрылись от пронизательных глаз Рейфа.

– Ты устала. У тебя был длинный день. Наверное, ты хочешь поскорее лечь в постель.

Если быть точнее, в его постель, вздохнула про себя Иден, но все мысли вылетели у нее из головы, когда он поднял ее на руки.

– Отпусти меня, на нас все смотрят, – потребовала она, прижимаясь к его плечу.

– Только швейцар и портье, – усмехнулся Рейф. – У тебя болит нога, и не пытайся это отрицать. Ты с трудом передвигаешься, и это моя вина.

Иден вздохнула, борясь с желанием провести рукой по его щеке, на которой уже начала пробиваться щетина, несмотря

на то что он брился всего несколько часов назад.

Оказавшись в номере, Рейф осторожно опустил ее на диван.

– Ты сможешь раздеться сама? – обеспокоенно спросил он, и Иден слегка покраснела.

Нет, ты должен медленно снять с меня одежду, подсказал внутренний голос, и она содрогнулась.

– Да, конечно.

– Не хочешь чего-нибудь выпить?

Рейф направился к бару. Иден не могла отвести от него глаз. Он снял пиджак и расстегнул рубашку, и ей захотелось погладить его оливковую кожу, зарыться пальцами в темные волосы на груди. От него исходил первобытный магнетизм, и она закрыла глаза, чтобы не потерять самообладание.

Нет, ей не нужно больше алкоголя. Причиной того, что ее бросало в жар, было выпитое шампанское.

– Пожалуйста, принеси мне лучше крепкого кофе.

– Если тебя беспокоит то, что я могу на тебя наброситься, не бойся, я никогда не делаю этого без приглашения.

Он уже говорил это, вспомнила Иден. Ее беспокоил не Рейф, а то, что она сама была готова на него наброситься.

– Я лучше пойду спать. – Желая поскорее укрыться в своей комнате, она встала, споткнулась и непременно упала бы, если бы не сильные руки, которые подхватили ее.

– Не спеши, тебе некуда торопиться, – мягко произнес Рейф.

– Я должна сейчас же лечь, – сердито сказала она.

– Но почему? – Когда он посмотрел на ее лицо, его глаза сузились. Было очевидно, что он ничего не понимает. – Мы провели вместе приятный вечер, и нет причин бояться, что я начну срывать с тебя одежду. Так почему ты убегаешь?

– Из-за тебя! – яростно воскликнула Иден, вспомнив, как часто он так поступал, прежде чем овладеть ею. Воздух был наэлектризован до предела, ее сердце бешено колотилось, но она не могла отвести взгляд от его лица.

– Понятно. – Его тон был безразличным, но руки, державшие ее за талию, говорили совсем о другом. Когда Рейф притянул Иден ближе к себе, она почувствовала, как он возбужден. – Думаю, нас обоих мучает одно и то же, – пробормотал он и поцеловал ее, прежде чем она успела возразить. – Мы всегда лучше понимали друг друга без слов, – прошептал Рейф, опускаясь на диван и увлекая ее за собой. – Ты так прекрасна. – Его губы проторили дорожку поцелуев у нее на шее, спускаясь к ложбинке на груди. Затем он расстегнул платье и, спустив корсаж, начал посасывать затвердевший сосок. Иден переполняло безграничное наслаждение, она выгнулась дугой ему навстречу, обхватила его руками за шею, словно боясь, что он может ее покинуть. – Видишь, сага, ты хочешь меня, твое тело не лжет. Мне так тебя не хватало. Ты не представляешь, как часто я мечтал о том, чтобы ты обвила меня своими длинными ногами.

После этих слов чары рассеялись. Когда его рука скольз-

нула под подол платья и начала стягивать чулок с больной ноги, Иден охватила паника. Рейф хотел обнажить ее стройные загорелые ноги, которыми всегда восхищался, но она не вынесет, если теперь они вызовут у него лишь отвращение.

– Рейф, не надо, я не могу. – Оттолкнув его руку, она судорожно начала одеваться.

На мгновение он нахмурился, но затем снова повеселел и помог ей подняться.

– Я согласен, сага, нам некуда спешить. К тому же здесь не место. Я хочу, чтобы впервые после долгой разлуки мы с тобой всю ночь занимались любовью на двуспальной кровати, – немного помедлив, он добавил: – Завтра утром мы летим в Португалию.

– В Португалию! – Иден ошеломленно уставилась на него. – Я не хочу никуда лететь с тобой!

Рейф повел ее к себе в спальню, не замечая ее смятения.

– Я знаю, это неожиданно, но в ближайшее время мне предстоит участвовать в двух гонках – в Португалии и в Италии. Прости, сага, обещаю, у нас еще будет время. – Он нежно поцеловал девушку. Его губы были теплыми, и Иден, закрыв глаза, представила себе, как идет с ним и дает выход сжигающей ее изнутри страсти.

– Рейф, я не собираюсь сопровождать тебя ни в Португалию, ни тем более в твою постель. – Сделав над собой усилие, она вырвалась из его объятий. Рейф прикрыл глаза, и его лицо стало непроницаемым.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, но ее не смог ввести в заблуждение его обманчиво спокойный тон. – Ты же знаешь, что я не могу пропустить конец сезона. Как мы сохраним отношения, если ты отказываешься ехать со мной? Или ждешь, что я буду прилетать в Англию всякий раз, когда у меня появится свободное время?

– Я ничего от тебя не жду. Почему ты считаешь, что можешь запросто вернуться в мою жизнь и распоряжаться ею по своему усмотрению?

– Очевидно, я принял твой активный отклик на мои ласки за желание дать нашим отношениям еще один шанс, – холодно ответил Рейф. – Я не понял, что тебе нужен партнер всего на одну ночь.

– Мне ничего не было нужно, ты сам начал... – Иден замолчала, внезапно осознав, что если бы она не сделала первый шаг, то ее тело взорвалось бы от желания.

– По крайней мере будь честной, Иден, – насмеялся он. – В сексуальном разочаровании нет ничего постыдного.

– Значит, ты хочешь дать нашим отношениям еще один шанс, Рейф? – прошипела Иден. – Удивительно! Ничего не изменилось. Ты ожидаешь, что я, как и прежде, буду следовать за тобой по всему миру, выставлять себя напоказ в качестве твоей шлюхи, терпеть презрение твоего отца.

– Мой отец – замечательный человек, и я не позволю тебе плохо о нем говорить, – отрезал Рейф, его черные глаза горели от ярости. – Между нами было нечто большее, чем

просто секс, – произнес он более спокойным тоном, хотя его ноздри раздувались от едва сдерживаемого гнева. – Мы можем вернуть это, если ты перестанешь оскорблять человека, которого я уважаю больше, чем кого-либо другого. Без него я бы не стал тем, кем являюсь сейчас. Мне было тяжело принять то, что четыре года назад мой брат обманул меня и я составил неправильное мнение о тебе, – признался он. – Я любил Джанни. Но тебе было недостаточно заставить меня сомневаться в моем брате, и ты принялась за моего отца?

– И что ты предлагаешь? – бросила Иден, проигнорировав его последний вопрос. – Чтобы мы начали все сначала и в каждой бульварной газетенке снова стали писать о нашем романе? Скажи мне, разве между нами что-то было, кроме умопомрачительного секса?

– Да, было, – настаивал Рейф, и она печально покачала головой.

– Правда? Большую часть времени я проводила в тоске и одиночестве, дожидаясь твоего возвращения, не зная, какое место занимаю в твоей жизни. Я ненавидела ту Иден, которой стала, слабую, зависимую, боящуюся, что ты можешь найти ей замену. Я не хочу снова становиться такой, Рейф.

– В таком случае будет лучше, если я отведу тебя в твою спальню, – холодно произнес Рейф, борясь с желанием поцеловать ее.

– Спасибо, я могу справиться сама.

– Ты собираешься спорить со мной по любому поводу? –

Выругавшись себе под нос, он подхватил ее на руки и отнес в спальню. – У тебя болит нога, нужно принять болеутоляющее.

– Мне не нужны таблетки. Я просто устала.

– Где они? В сумочке? В ванной?

Иден бросила на него яростный взгляд, отказываясь признавать, что чувствует тошноту и слабость от боли. Как он посмел обвинять ее в клевете на его отца, в то время как Фабрицио приложил все силы, чтобы погубить ее репутацию? Кровное родство сильнее чего бы то ни было, подумала Иден. Она всего лишь посторонний человек, который никогда не сможет встать между двумя братьями или отцом и сыном.

– У тебя есть две минуты, чтобы лечь в постель, пока я схожу за водой, – предупредил ее Рейф. – Иначе я сам тебя раздену, и кто знает, к чему это может привести, *сага mia*.

Он самодовольно засмеялся, а Иден сняла туфельку и швырнула в него.

– Когда ты приобрела такой темперамент? – спросил он.

Заметив в его глазах озорной блеск, она еще больше разозлилась.

– После года, проведенного с тобой, даже святой смог бы совершить убийство, – выпалила она. – Ты был отличным учителем, Рейф.

– Я рад, что ты так считаешь, *сага*, хотя, кажется, мы говорим о разных вещах.

Ей не следовало забывать, что в словесных баталиях ему нет равных, посетовала Иден, поспешно надевая ночную рубашку и забираясь под одеяло.

– И что дальше? – поинтересовалась она, проглотив две таблетки и запив их водой.

– Я пойду к себе и лягу спать.

– Я имела в виду наши отношения, – неловко пояснила Иден. – Я была серьезна, когда говорила, что у нас нет будущего. – Его лицо было непроницаемым. Как бы ей хотелось знать, о чем он сейчас думает! – Я покину Дауэр-Хаус как можно быстрее.

Рейф небрежно пожал плечами. Это свидетельствовало о его безразличии, и ее сердце пронзила острая боль. Вот и все. Она ему надоела. При мысли о том, что сейчас он во второй раз уйдет из ее жизни, на глаза навернулись слезы.

– Тебе незачем спешить. Оставшуюся часть лета я буду в отъезде. Завтра утром мой водитель отвезет тебя в Уэллворс. Я улетаю ранним рейсом и не стану тебя будить.

Наверное, у нее не все в порядке с головой, размышляла Иден, глядя на его склоненную голову. Рейф Сантини, человек, которого боготворили все женщины в мире, предложил ей стать его любовницей, а она отказалась! Другие крепко уцепились бы за возможность путешествовать по свету с красивым сексуальным миллионером, но, попробовав это однажды, она пришла к выводу, что отличается от всех. Ее не привлекал ни подобный образ жизни, ни деньги. Она не

хотела тратить время на поиск нарядов, чтобы с их помощью удержать своего любовника. Ей нужен был только Рейф. Если бы он любил ее так, как она любила его! Но за четыре года ничего не изменилось. Иден сомневалась, что Рейф вообще когда-либо любил женщину. Его главной страстью были гонки, скорость и риск.

Нужно, чтобы он покинул ее комнату прямо сейчас, прежде чем она совершит глупость, бросившись в его объятия. Гордость была единственным средством, которое могло спасти ее, и она, высоко подняв голову, прошептала:

– Полагаю, это прощание. Рейф дерзко улыбнулся.

– На время, сара, не навсегда. – Он подошел к ее кровати. – Когда тебе надоест спать одной, ты вернешься ко мне, Иден. Я слишком хорошо тебя знаю, желание не даст тебе жить спокойно. Я с нетерпением буду ждать того дня, когда ты будешь умолять меня снова сделать тебя своей, потому что принадлежишь мне.

Его поцелуй заглушил ее отчаянный крик протеста. Иден ненавидела этого самоуверенного негодяя и хотела сказать ему об этом, но, когда она пришла в себя, он уже ушел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Возвращение в Дауэр-Хаус походит на встречу со старым другом, подумала Иден, глядя на увитые плющом стены. Но ее сердце было разбито, и она не могла оставаться здесь.

Она попросила Нева найти подходящее жилье, и он, глядя на ее хмурое лицо, не стал задавать лишних вопросов. К счастью, лето в Уэллворсе было богато событиями, и оставшуюся часть недели Иден писала статьи о празднике в доме викария, о крикетном матче ветеранов и о прогнивших трубах в местной больнице. После трех лет, проведенных в Африке, работа в местной газете не вызывала у нее энтузиазма. Нужно думать о карьере, напомнила она себе. Однажды она уже пожертвовала ею ради романа с Рейфом и решила больше этого не делать.

По правде говоря, сейчас у нее ничто не вызывало энтузиазма, в том числе еда. Одежда висела на ней мешком, и друзья даже спрашивали, не больна ли она. Эта болезнь называлась любовью, и правда заключалась в том, что ей так и не удалось забыть Рейфа. Новая встреча с ним причинила еще большие страданий, поэтому она решила не смотреть по телевидению трансляцию гран-при Португалии.

Воскресенье Иден провела у Клиффа и Дженни. Ей невероятно повезло, убеждала она себя. У нее замечательные друзья, она живет в одном из самых красивых домов Англии.

Без Рейфа жизнь казалась проще, однако почему-то поздно вечером она предпочла веселой комедии обзор спортивных новостей.

Рейф стартовал по крайней внутренней дорожке, и, когда Иден наблюдала за тем, как он одного за другим обходит соперников, ею овладело знакомое чувство тревоги. Она начала ходить туда-сюда, но, услышав громкий возглас комментатора, пулей подлетела к экрану, пролив при этом апельсиновый сок.

«...Сантини сошел с дистанции. Рейф Сантини, пятикратный чемпион мира, разбился во время соревнований гран-при Португалии. Глядя на кадры с места событий, я должен заметить, что будет настоящим чудом, если он выберется из искореженного автомобиля».

– Нет, Рейф, – прошептала Иден.

Где Рейф? Она не видела его из-за толпы людей, но, как сказал комментатор, авария была серьезной и его машина превратилась в груды металлолома. Вдруг она вспомнила, что это был обзор спортивных событий за последние сутки. Гонка состоялась несколько часов назад. Рейф мог уже умереть, а она об этом даже не знала! Ее сердце было готово выпрыгнуть из груди.

– Рейф, вылезай из машины, – взмолилась Иден, и вдруг толпа расступилась. Камера показала Рейфа, которому помогали подняться. Иден упала на колени перед экраном. Его лицо скрывал шлем, были видны только глаза, но ей почу-

дилось, что он смотрит прямо на нее, и она коснулась его изображения.

Через несколько секунд оно исчезло. Комментатор начал рассказывать о финале гонки, а затем переключился на регби, но Иден ничего не видела и не слышала. Пережитое потрясение лишило ее сил, и она просто сидела на полу перед телевизором, приложив руку к экрану, словно пытаясь дотронуться до Рейфа. Затем, медленно поднявшись, на ватных ногах пошла наверх, но не в свою спальню, а в комнату Рейфа. Душевная боль, которую она испытывала всю неделю, вырвалась наружу мощным потоком слез. Иден плакала до тех пор, пока у нее не заболели глаза.

Такова любовь, горько подумала девушка. Мучительный страх за его жизнь, отчаянное желание купить билет на ближайший рейс и последовать за ним в любой конец земного шара.

Я не могу без него жить, призналась себе Иден, но и с ним тоже не могу. Снова стать его любовницей, постоянно переезжать из отеля в отель, вечно ждать окончания гонок, интервью или праздника ради нескольких часов его внимания? Казалось, ей было суждено полюбить человека, который для нее недостижим. Рейф никогда не любил ее, в этом она не сомневалась. Оставшуюся часть ночи Иден мучилась вопросом, смогла бы она удовольствоваться меньшим.

Гран-при Италии должен был состояться в Монце, и дороги, ведущие к стадиону, были перегружены, хотя до нача-

ла гонки оставалось еще несколько часов. Петра, личная помощница Рейфа, которая четыре года назад была на стороне Иден, прислала ей билет.

Остальное зависит от меня, подумала Иден, и ее охватил страх. Должно быть, она сошла с ума, раз по собственной воле идет в логово льва. Скорее всего, Рейф отвергнет ее, но после португальской аварии она была вынуждена признать, что жизнь без него не имеет смысла.

Служащий провел Иден в ложу для особо важных гостей, и ее сердце упало, когда она очутилась в компании красавиц. Гран-при Италии был важным событием, и в Монце собрался весь цвет итальянского общества, включая фотомоделей, которые были неотъемлемой частью «Формулы-1». Я им не конкурент, расстроилась Иден, готовая встать и уйти. Некоторые девушки были особенно красивы – высокие, загорелые, с длинными ногами, в коротких юбках. Рейф считал брюки неженственными, но у Иден не было выбора.

Бледно-голубой костюм обошелся ей в целое состояние, однако он того стоил. Брюки делали ее выше, пиджак подчеркивал тонкую талию. В нем она выглядела сдержанно и элегантно, но кружевной топ и распущенные волосы придавали ей чувственности. Иден подумала, что рядом со всеми этими красотками в мини походит на монахиню, однако из гордости высоко держала голову.

Увидев одного из механиков команды Сантини, Иден улыбнулась. Алонсо плохо понимал по-английски и вряд ли

помнил ее, но когда она подошла, он улыбнулся и восхищенно посмотрел на девушку.

– Я приехала повидать Рейфа, – медленно произнесла она.

– Рейфа? Проходите. Он готовится к старту. Эта гонка много значила для Рейфа, потому что проходила в его родной стране. Он был в Италии легендарной личностью, и поболеть за него пришли тысячи фанатов. Он не имел права подвести их, и повисшее в воздухе нервное ожидание только усилило тревогу Иден.

Рейф стоял, прислонившись к автомобилю. На нем был белый костюм пилота, украшенный логотипами многочисленных спонсоров. Черные волосы были почти не видны под шлемом, глаза блестели, когда он смеялся вместе с фотографиями. Его окружала группа красоток в бикини, поверх которых были надеты ленты с рекламными девизами торговых марок.

– Хорошо, Рейф, обнимите Синди за талию, а ты, Синди, прижмись к нему и положи руку ему на грудь. Отличный снимок. Так, еще раз.

Неподалеку от этой группы расположился человек, которого Иден надеялась не встретить. Сицилиец по происхождению, Фабрицио Сантини был на несколько дюймов ниже своего сына, но с такими же широкими плечами и волевым подбородком. Сын крестьянина преуспел в жизни, чем по большей части был обязан женитьбе на богатой наследнице. Даже сейчас, будучи обладателем состояния в миллиард

фунтов, он отличался безжалостной деловой хваткой, которая наводила страх на его конкурентов.

– Эй, босс! – позвал Алонсо. Рейф обернулся и вздрогнул при виде Иден. – Синьорина Иден вернулась.

– Правда? – Сложив руки на груди, Рейф медленно оглядел ее с головы до ног. Девицы в бикини перестали болтать, фотографии замерли в ожидании. – Какой сюрприз, – протянул он. – Чего ты хочешь, Иден?

Под его внешней беспечностью скрывалась агрессия, взгляд был холодным и суровым.

– Тебя, – просто ответила она.

Вся толпа с любопытством уставилась на Иден, девицы глупо хихикали. Лицо Рейфа по-прежнему было непроницаемым, черные глаза безжалостно смотрели на нее. Им двигала уязвленная мужская гордость, он не мог простить ей того, что она его отвергла. Иден вздохнула. Ее унижение перед скопищем шикарных блондинок оказалось напрасным.

– Ты сказал, что будешь рад, когда я приползу и буду умолять, чтобы ты дал мне еще один шанс, – напомнила она ему. – Итак, я здесь.

Хихиканье стало еще более бесстыдным. Фотографы начали снимать Иден, но она не удостоила ни одного из них взглядом. Все ее внимание было приковано к Рейфу. Высвободившись из объятий Синди, он потребовал:

– Больше никаких фотографий. Все свободны.

Подойдя к Иден, он резко спросил:

– Ты идешь или нет?

Девушка поспешила за ним, забыв, что Фабрицио Санти-ни наблюдает за происходящим.

Обстановку в фургоне Рейфа нельзя было назвать роскошной. Даже будучи миллионером, он не важничал и предпочитал жить рядом с остальными членами команды.

– В какую игру ты играешь, Иден? – спросил он, прислонившись к буфету. – Две недели назад ты твердо заявила, что не хочешь иметь со мной ничего общего. Что заставило тебя передумать?

– Мне тебя не хватает, – призналась она. Рейф недоверчиво фыркнул и провел рукой по волосам.

– Это правда? – спросил он.

Уловив в его высокомерном тоне слабую нотку неуверенности, Иден поняла, что ее ответ очень важен для него. Несмотря на то что вокруг увивались толпы сногшибательных красоток, Рейф хотел именно ее.

– Я ни во что не играю, – сказала она, подойдя к нему. – Мне нужно только это. – Встав на цыпочки, она обняла его за шею и поцеловала в губы.

К облегчению Иден, Рейф ответил на поцелуй, и она поняла, что этот человек ее судьба и бежать от нее бесполезно.

– На сей раз пути назад не будет, – предупредил Рейф. – Я так хочу тебя, что готов овладеть тобой прямо сейчас, но у меня, как обычно, нет времени. – (Видя, как он с трудом сдерживает желание, Иден нежно погладила его по щеке.) –

Нам никогда его не хватало, – пробормотал он.

– У нас будет еще много времени, – пообещала Иден. – После гонки я приду сюда и буду ждать тебя.

Рейф выругался себе под нос, и она поняла, что в его душе идет мучительная борьба.

– Все же почему ты приехала? – спросил он, надевая шлем.

– Я смотрела гран-при Португалии. – Иден закрыла глаза и вспомнила те ужасные минуты, которые ей довелось пережить.

– Я не пострадал, сага. Несколько синяков, и все.

– Знаю. Я сразу же позвонила Петре, и она успокоила меня. Но что было бы, если бы ты погиб, Рейф? У меня бы ничего не осталось, кроме моей гордости. Ты говорил, что хочешь дать нашим отношениям еще один шанс. – Немного помедлив, Иден продолжила: – Я тоже хочу. Я устала думать о прошлом и тревожиться за будущее. Не знаю, как долго это продлится, но, честно говоря, это не так уж важно. Ты нужен мне сейчас, – решительно произнесла она, и его губы изогнулись в сексуальной ухмылке, которую она обожала.

– Сейчас я немного занят, сага тіа. Ты можешь подождать до вечера?

Вилла «Мимоза» находилась в маленькой деревушке на берегу озера Комо. Настоящий оазис спокойствия всего в получасе езды от шумного Милана.

Возвращение на виллу подобно путешествию назад во

времени, подумала Иден, осматривая спальню хозяина. В этой комнате она познала рай и ад. За год, проведенный с Рейфом, вилла стала ее домом, хотя они проводили здесь мало времени.

По большей части именно в спальне, вспоминала Иден, разглядывая свое отражение в зеркале. Она купила эротичный черный пеньюар и вынуждена была признать, что выглядит очень соблазнительно. Было уже за полночь, когда им с Рейфом наконец удалось ускользнуть с вечеринки, устроенной в честь его победы. Весь вечер Иден держалась рядом с ним, что вызвало немалое любопытство у представителей прессы.

– Ты нашла в ванной все необходимое? Услышав звук его голоса, она резко обернулась, ее сердце затрепетало, глаза расширились.

– Да, спасибо. – Увидев свои любимые туалетные принадлежности, она была поражена. Должно быть, это совпадение – Рейф вряд ли помнил, какие запахи она предпочитает.

Он пересек комнату, чтобы достать из ведерка со льдом бутылку шампанского. Взгляд Иден был прикован к его широким плечам, оливковой коже, видневшейся в расстегнутом вороте белой рубашки. Рейф был еще привлекательнее, чем раньше. Его взгляд красноречиво говорил, что он хочет заняться с ней любовью, и мысль об этом наполнила ее нервным ожиданием.

– У меня есть тост, – сказал Рейф, поднимая бокал. – За

нас, Иден. За то, чтобы это продолжалось как можно дольше.

От его слов у Иден по спине побежали мурашки. Она хотела что-то сказать, но Рейф помешал ей.

Его губы пахли шампанским. Язык мощным натиском проник в глубь ее рта, заявляя о желании обладать ею. Ее пальцы начали нетерпеливо расстегивать остальные пуговицы на его рубашке, жаждая прикоснуться к коже. Она чувствовала, как бьется его сердце. Теперь это был не хладнокровный спортсмен, а человек, поработанный страстью.

– Ты не выходишь у меня из головы, я постоянно думаю о тебе, – пробормотал он, покрывая поцелуями ее шею. Его пальцы тем временем развязывали атласную ленточку на корсаже пеньюара, затем он взял в ладони ее грудь.

– Я хочу тебя прямо сейчас, сара. Я больше не могу ждать.

У Иден все поплыло перед глазами, когда Рейф поднял ее и отнес на кровать. Сквозь полуприкрытые веки она наблюдала за тем, как он сбросил рубашку и лег рядом. Она так сильно хотела его, что забыла обо всем, но, когда он стал спускать пеньюар с ее плеч, память безжалостно вернулась.

– Я не хочу его снимать, – прошептала Иден. Рейф рассмеялся.

– И не надейся. Я четыре года мечтал о твоём теле, о твоей белой коже на черных шелковых простынях. Я хочу увидеть тебя целиком, каждый дюйм твоих длинных стройных ног, которые всегда сводили меня с ума. – Стащив с нее пеньюар, он начал изучать ее обнаженное тело. – Боже мой!

Иден зажмурилась, чтобы не видеть отвращения на лице Рейфа. Потрясения в его голосе было достаточно.

– Ты знал, что с моей ногой не все в порядке, – сказала она, стараясь говорить непринужденно, но у нее ничего не вышло.

Рейф не ответил, и в отчаянии она открыла глаза.

– Ты не обязан... То есть, если твое желание прошло, я пойму, – хрипло произнесла Иден.

Глаза Рейфа потемнели.

– С чего ты взяла, что я больше тебя не хочу? – спросил он, и она изогнулась, пытаясь надеть пеньюар, чтобы закрыть ноги. – Ты правда считаешь, что это, – он провел пальцем по одному из шрамов, – могло отбить у меня желание заняться с тобой любовью?

– Они ужасны, – прошептала Иден, глотая слезы. Плакать было глупо. Но она чувствовала себя такой ранимой! Рейф мог выбирать самых красивых женщин в мире, почему он должен остановиться на ней? – Хирург сказал, что со временем они немного побледнеют, но нога никогда не станет прежней. Ты всегда был равнодушен к женским ногам, Рейф, – закончила она.

– Я всегда был равнодушен к тебе, – сказал Рейф так убедительно, что она уставилась на него. – Ты по этой причине отвергла меня в Лондоне?

Иден кивнула.

– Я подумала, что мои шрамы вызовут у тебя отвращение.

Я не вынесла бы, если бы ты считал меня уродливой. – Она фыркнула и потерла глаза. Вдруг ей захотелось спрятаться и остаться наедине со своей болью. Несмотря на все заверения, Рейф не был похож на человека, охваченного страстью. – Я буду спать в комнате для гостей, – сказала она, поднимаясь, но Рейф снова толкнул ее на подушки.

– Никто из нас сегодня вообще не будет спать, – мягко произнес он, медленно расстегивая брюки.

Это было невероятно, но, казалось, Рейф нарочно не спешит. У Иден пересохло во рту, когда он стянул трусы и предстал перед ней обнаженным и возбужденным.

– Рейф, ты не должен... – начала Иден, но он проигнорировал ее слова, опустился на колени рядом с кроватью и начал покрывать поцелуями шрамы у нее на ноге. – Не надо, – взмолилась она, вздрагивая от его прикосновений.

– Тебе больно, когда я их касаюсь?

– Нет, – призналась она, – но их вряд ли можно назвать привлекательными.

– Они часть тебя, а я хочу тебя целиком. Если меня и потряс вид твоей ноги, то это не из-за отвращения. Я испытывал сострадание, боль вот здесь. – Он положил ее ладонь себе на грудь. – Невыносимо думать, что ты лежала на земле раненая, истекающая кровью, а меня не было рядом, чтобы помочь. – Он нежно провел пальцем по шраму. – Ты всегда будешь для меня самой красивой женщиной в мире, сага. Впрочем, если шрамы так тебя расстраивают, я могу найти

лучшего пластического хирурга.

– Ты хочешь, чтобы я сделала операцию? – спросила она. Что бы там ни говорил Рейф, он бы предпочел, чтобы у нее по-прежнему были идеальные ноги.

– Честно говоря, нет. Твои шрамы являются свидетельством твоей смелости. Для меня ты само совершенство.

Даже если бы Иден не поверила ему, его искренность подтвердил бы блеск в глазах. Испытывая одновременно радость и облегчение, она приподняла бедра, чтобы Рейфу было легче снять с нее трусики.

Ее гладкая, как атлас, кремовая кожа выглядела очень соблазнительно на фоне черных шелковых простыней, и Рейф невольно залюбовался ею. На его скулах появился легкий румянец.

– Четыре года – это долгий срок, сага тіа. У тебя за это время было много любовников? – хрипло произнес он.

Иден хотелось поддразнить Рейфа, сказать, что ей до него далеко, но в его взгляде появилась какая-то трогательная ранимость, и она спросила:

– А это имеет какое-то значение?

Рейф покачал головой.

– Нет, самое главное, что сейчас ты со мной.

– Ты единственный мужчина, которого я когда-либо хотела.

– И единственный, кого ты когда-либо знала и будешь знать, – добавил он. – Пообещай мне, Иден, что останешься

со мной, пока я тебя хочу.

Она собралась что-то сказать, но Рейф не мог больше ждать. Признание Иден окрылило его, и его рот жадно впился в ее губы, а руки скользнули вниз по животу. Она была влажной и теплой, готовой принять его, и он, раздвинув ей ноги, начал медленно входить в нее. Но она была такой манящей, и он боялся, что, помедлив, взорвется. Коснувшись лбом ее лба, Рейф прошептал:

– Я не хочу причинять тебе боль.

– Ты причинишь мне боль, только если остановишься.

Призвав на помощь остатки самообладания, Рейф немного ускорил темп, и она, вцепившись в его плечи, задвигалась в одном ритме с ним.

Иден уже забыла, как это великолепно, ее тело выгибалось дугой, пока первая волна экстаза не наполнила ее невообразимым блаженством.

– Рейф! – вскрикнула она, чувствуя приближение следующей волны. На этот раз Рейф простонал:

– Ты пообещала остаться со мной, пока я хочу тебя.

Иден напряглась. Она не ожидала услышать сейчас эти слова и неуверенно посмотрела на него. Неужели все это было игрой и Рейф дал ей понять, что получил от нее желаемое и больше не хочет ее?

– Да, обещала, – хрипло ответила она, и его рот изогнулся в чувственной ухмылке.

– Я буду хотеть тебя еще очень-очень долго, – предупре-

дил он ее. – Может быть, всегда.

– Значит, я останусь на это время, – просто сказала Иден.

Его глаза потемнели, и он коснулся ее губ в нежном и одновременно страстном поцелуе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Был чудесный летний день. Иден нежилась на солнышке у бассейна. Книга, которую она читала, была очень увлекательной. София, экономка Рейфа, обещала приготовить вкусный обед.

У нее было все, о чем она только могла мечтать. Все, кроме Рейфа, напомнил ей внутренний голос. Он потрясающий любовник, но Иден мало одного секса. Ей хотелось, чтобы он принадлежал ей не только телом, но и душой.

Рейф вернулся домой к ланчу. Между соревнованиями он был занят подготовкой выставки автомобилей. Поскольку отец плохо себя чувствовал, он был вынужден взять на себя ведение семейного бизнеса.

– Рад тебя видеть, – поприветствовал он Иден, а затем наклонился, чтобы запечатлеть на ее губах страстный поцелуй. – Чем занимаешься?

– Плаваю, читаю. Купание и солнце идут на пользу моей ноге, – непринужденно произнесла она. – А как у тебя дела?

– Работа на выставке идет полным ходом, – ответил Рейф, опуская бретельки ее бюстгалтера.

– София сказала, что накроет стол на террасе, – рассеянно пробормотала Иден, опьяненная прикосновениями его длинных смуглых пальцев к ее коже.

– Я попросил ее немного подождать. – В его голосе слы-

шалось нетерпение.

– Но я голодна, – поддразнила его она, обольстительно улыбаясь. – А ты?

– Просто умираю от голода, сага, – простонал Рейф, лаская ее грудь.

– Да, Рейф, пожалуйста... сейчас, – взмолилась Иден, не в силах больше ждать.

– Приподними бедра, – охрипшим от страсти голосом произнес Рейф. Иден подчинилась, и он рывком стащил с нее трусики, затем неспешно разделся и лег сверху.

Вдруг зазвонил мобильник. Рейф несколько секунд игнорировал звонок – его разочарование было очевидным. Мрачно выругавшись, он поднялся и поднес телефон к уху.

– Папа.

Он перешел на итальянский, которого Иден не знала, но ее и не интересовало, о чем они говорили. Фабрицио постоянно названивал Рейфу, и Иден казалось, что он нарочно не дает им побыть наедине.

Она поднялась, надела халат и направилась к дому. Сейчас она примет душ, поест, а затем придумает, чем себя занять. Несомненно, Рейф по приказу отца поедет в офис.

Выйдя из ванной, Иден удивилась, обнаружив, что Рейф ждет ее в спальне.

– Прости, но мой отец...

– Ты не обязан ничего мне объяснять. Я знаю, у него проблемы со здоровьем и поэтому ты очень занят.

– Работа может подождать, – ответил Рейф. – До гонок в Индианаполисе осталось несколько свободных дней. Я подумал, мы могли бы съездить в Венецию.

– Правда? – Ее глаза заблестели от предвкушения. – А как же дела? Твой отец...

– Он сможет обойтись без меня. Четыре года назад я совершил ошибку, не уделив тебе достаточно времени, и не хочу, чтобы это повторилось. Однако сейчас мне нужно уехать.

– К счастью, у меня очень интересная книга, – весело ответила Иден. Подумать только – несколько дней Рейф будет безраздельно принадлежать ей!

– Ты могла бы съездить в город за покупками, – предложил он, жалея, что не может остаться с ней и отгородиться от остального мира. – Милан славится эксклюзивными бутиками. Все женщины любят ходить по магазинам.

– Но ты говорил, что я нравлюсь тебе, потому что не такая, как все, – с улыбкой напомнила ему Иден. – Меня не интересуют твои деньги, Рейф, – добавила она, обнимая его за шею. – Меня интересуешь только ты.

Венеция недаром завоевала репутацию одного из самых романтичных мест на земле, восхищенно подумала Иден, разглядывая резной орнамент на спинке кровати. Она бы с радостью провела это время на вилле, но Рейф твердо решил выполнить обещание.

Днем они совершали прогулки по каналам и приобщались к богатой истории и культуре Венеции, а ночью предавались

страсти. У Иден болело все тело, но это была приятная боль. Вспоминая, как Рейф любил проводить утро, она думала, что он никак не может ею насытиться. Поэтому, проснувшись сегодня, она была немного разочарована, обнаружив, что его нет рядом.

Легкий ветерок всколыхнул тонкую занавеску, и Иден заметила Рейфа, сидящего на балконе в одном из плетеных кресел.

– Ты рано встал, – сказала она, подойдя к нему сзади и положив руки ему на плечи.

Рейф поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Я думал, – наконец ответил он, и Иден овладело дурное предчувствие, – о прошлом и о вас с Джанни.

– Мне казалось, мы договорились жить настоящим, тем более что никаких «нас с Джанни» не было. В тот вечер у бассейна я не целовала его. Между нами ничего не было.

– Я верю тебе, сага, – уныло протянул он. – Я должен был знать, что ты никогда не лжешь. Твои помыслы чисты, как бриллиант. У тебя нет от меня секретов.

Он ошибся, у нее был один секрет, который она никогда не выдаст. Их отношения не основаны на любви, и она ни за что не признается ему в своих чувствах.

– Я приношу тебе свои извинения. – Рейф встал и заключил ее в объятия. – Я не знаю, зачем Джанни понадобилось нас разлучать, но, похоже, его любовь к тебе была настолько сильна, что он был готов причинить мне боль. – Он поцело-

вал ее в висок, затем в щеку и в уголок рта. – Мы потеряли четыре года. Из-за него я отказался от самого дорогого, что у меня было. От тебя. – Иден ошеломленно уставилась на него. – Джанни обманул меня, но я не могу ненавидеть его за то, что он сделал. Несмотря на боль, которую он причинил нам обоим, я так по нему скучаю.

– Я знаю, – печально произнесла она, крепче прижимая его к себе. – Я тоже не испытываю к нему ненависти, так что давай не будем вспоминать прошлое, раз мы снова обрели друг друга. – Немного погодя она снова призналась: – Знаешь, Рейф, ты единственный мужчина, которого я когда-либо желала.

– Тогда докажи мне это, – страстно прошептал Рейф, взял ее на руки и понес в спальню.

Незадолго до того, как они должны были приземлиться в Милане, Рейф сообщил Иден неприятную новость. Большую часть полета он провел, разговаривая по мобильному телефону, и по его лаконичным ответам Иден поняла, что он чем-то недоволен. Счастливые дни в Венеции пролетели, и пришла пора возвращаться к реальности.

– Сегодня вечером я устраиваю званый ужин для своих деловых партнеров.

Иден ошеломленно уставилась на него, не в силах скрыть беспокойство.

– Сколько будет приглашенных? Он небрежно пожал плечами.

– Человек двадцать.

– Как я смогу все организовать за пару часов? – возмутилась она. – Ты же знаешь, что я не умею готовить.

– Тебе не о чем беспокоиться, сага. София обо всем позаботится.

– Все равно ты мог бы предупредить меня заранее, – укоризненно произнесла Иден. Ей было обидно, что он не спросил ее совета. Очевидно, она нужна Рейфу только в постели, для всего остального у него есть его незаменимая экономка.

– Я и сам ничего об этом не знал. Отец только сейчас сообщил мне, что собирается принимать гостей на вилле, а не у себя дома.

Опять Фабрицио! Иден фыркнула.

– Ты всегда находишься на побегушках у своего отца?

Раньше такого не было, уныло подумал Рейф, глядя в окно лимузина.

– Мой отец болен. Самоубийство Джанни стало для него большим потрясением. Он уже не молод, и его желание увидеть меня во главе «Сантини корпорэйшн» вполне понятно. Я не могу вечно участвовать в гонках и, поскольку Джанни умер, являюсь единственным наследником.

Его телефон зазвонил снова, и; оставшуюся часть пути он был занят. Когда они прибыли на виллу, Рейф смущенно сказал:

– Не беспокойся, сага. Все уже готово. Почему бы тебе до приезда гостей не отдохнуть немного?

– Сейчас ты похлопаешь меня по попке и предложишь не забивать глупостями свою хорошенькую головку, – огрызнулась Иден. – Я знаю, когда мое присутствие нежелательно, Рейф. Не бойся, я не буду вам мешать. Ты смиришься с моим появлением на ужине или пришлешь мне в комнату тарелку овсянки?

– Ты стала очень язвительной. У тебя язык как у гадюки, – разозлился он. – Четыре года назад ты не...

– Не могла за себя постоять? – предположила она.

– Прости, что не предупредил заранее, – мягко произнес Рейф. – Но ужин продлится всего несколько часов, а ты ведешь себя как маленький ребенок.

– Я знаю, – бросила Иден и направилась к бассейну. Когда она проходила мимо Рейфа, он хотел остановить ее, но тут снова зазвонил телефон. Выругавшись на родном языке, он отпустил ее.

Ей понадобилось двадцать раз переплыть бассейн, прежде чем она смогла успокоиться. Иден задремала в шезлонге и проснулась только в шесть часов. Вспомнив, что гости Рейфа должны приехать в семь, девушка застонала. Ей нужно принять душ и уложить волосы. Собираясь предстать перед гостями в качестве любовницы Рейфа, она должна выглядеть на все сто.

Пересекая холл, Иден вспомнила, что оставила сумочку в гостиной. Зайдя туда, она замерла, увидев четырех мужчин.

– Мне очень жаль. – Ее щеки покраснели, и она попяти-

лась назад, пытаясь дрожащими пальцами запахнуть саронг, чтобы прикрыть свое крошечное бикини.

Рейф вскочил, в то время как Фабрицио и двое других гостей уставились на нее; их лица ничего не выражали.

– Иден, я думал, что ты наверху, одеваешься к ужину.

– Как видишь, нет, – ответила она, вымученно улыбаясь, чтобы скрыть смущение. – Я заснула у бассейна.

Фабрицио Сантини, откинувшись на спинку кресла, рассматривал ее, словно скотину на рынке.

– Здравствуй, Иден. Рафаэль говорил, что ты некоторое время поживешь на вилле. – Немного помедлив, он добавил: – Надеюсь, ты идешь на поправку после ранения. Вижу, ты серьезно пострадала. – За его показным беспокойством скрывалась издевка. Иден, пытаясь спрятать больную ногу за здоровой, потеряла равновесие и непременно упала бы, если бы Рейф не поддержал ее.

Один – ноль в вашу пользу, Фабрицио, мрачно подумала Иден, выходя из гостиной вместе с Рейфом.

– Что все это значит? – прошипел он, и она бросила на него яростный взгляд.

– Я же сказала, что заснула. Если помнишь, прошлой ночью мне не удалось поспать. До ужина остался еще целый час, – саркастически заметила она. – Твоему отцу было обязательно упоминать о моей ноге?

– Иногда ты просто невыносима. Он посочувствовал тебе и попытался отвлечь внимание гостей от того факта, что ты

разгуливаешь по дому полуобнаженной, – холодно заметил Рейф. – Иди в душ и не опаздывай к ужину.

Рейф Сантини – надменный, самоуверенный шовинист, решила Иден, застегивая платье. От той близости, которая возникла между ними в Венеции, не осталось и следа.

К ее удивлению, ужин не стал тяжелым испытанием, чего она так опасалась. В голосе Рейфа слышалась гордость, когда он представлял Иден своим деловым партнерам. Фабрицио был очень обходителен. Из уважения к ней Сантини-старший настоял на том, чтобы все говорили по-английски, и Рейф успокоился. Иден ошибалась насчет его отца. Четыре года назад она превратно истолковала слова Фабрицио, но сейчас должна изменить свое отношение к нему.

Когда гости разъехались, Иден, облегченно вздохнув, сбросила туфли и рухнула на диван в гостиной. Вечер прошел лучше, чем она надеялась. Заметив какое-то движение на террасе, она улыбнулась.

– Рейф, что ты там делаешь?

– Рафаэль разговаривает по телефону у себя в кабинете.

В гостиную вошел Фабрицио, и ее улыбка поблекла, когда она увидела презрение на его лице.

– Понимаю, – пролепетала Иден.

– Неужели? – Он грубо рассмеялся. – Скажи мне, Иден, как долго на этот раз ты собираешься быть шлюхой моего сына?

– Я не обязана вас выслушивать. – Иден вскочила с дивана.

на. Четыре года назад она не осмелилась себя защитить, но больше не намерена терпеть оскорбления в свой адрес. – Не знаю, что вы имеете против меня, но думаю, что из уважения к Рейфу вам следовало бы сдерживаться.

Она хотела покинуть гостиную, однако Фабрицио схватил ее за запястье.

– Я не могу оставаться в стороне, когда ничтожество вроде тебя делает из моего сына дурака, – резко произнес он. – Я думал, мне удалось избавиться от тебя четыре года назад. "Но все равно ты никогда не выйдешь замуж за Рафаэля.

Так вот чего Фабрицио боится больше всего. Если бы он только знал, что это невозможно. Иден должна каким-то образом убедить его, что ему нечего бояться, так как она не собирается стать женой Рейфа. Может, тогда он оставит ее в покое и будет терпеливо ждать, пока не закончится их роман.

– Поймите, у меня нет ни малейшего намерения выходить замуж за вашего сына, – холодно ответила она.

Фабрицио скептически посмотрел на нее.

– И ты думаешь, я поверю в то, что ты не хочешь прибрать к рукам состояние семьи Сантини?

Иден пожала плечами.

– Цена слишком высока. Я не собираюсь прожить всю жизнь в стеклянной оранжерее, чтобы бульварная пресса следила за каждым моим шагом. Мне было бы достаточно загородного дома в Англии и нескольких акров земли, которые в случае необходимости можно продать.

Фабрицио уставился на Иден глазами-бусинками, будто читал ее мысли, и она внутренне содрогнулась.

– Рейф купит тебе такой дом?

– Я работаю над этим.

– Наверное, мне следует предупредить моего сына, что его английская роза всего лишь продажная тварь, готовая отдаться тому, кто больше заплатит.

Оскорбительные слова вызвали у нее тошноту, но она гордо подняла голову и взглянула на него.

– Он знает, – твердо сказала Иден. – У вас нет причин меня опасаться, синьор Сантини. В основе наших отношений с Рейфом лежат самые примитивные потребности. Он удовлетворяет свое желание и платит мне за это. Я уже давно перестала быть наивной романтической девчонкой. Если точно – четыре года назад.

Казалось, Фабрицио Сантини на мгновение лишился дара речи, и это позабавило бы Иден, если бы ей не хотелось плакать.

– Значит, для вас обоих это всего лишь обычная интрижка, – задумчиво произнес он. – Прости, но ты меня не убедила. Четыре года назад ты была влюблена в моего сына. Что изменилось с тех пор?

– Я повзрослела, синьор.

Чувствуя, что вот-вот потеряет самообладание и расплачется, Иден, не опуская головы, вышла из гостиной и направилась в ванную. Если бы вода могла смыть не только сле-

зы, но и презрение Фабрицио Сантини. За что он презирает ее? Ответ прост. Фабрицио желал, чтобы в жилах его внуков текла голубая кровь. Теперь, уверенный, что Рейф не сделает ее своей женой, он должен оставить их в покое.

Когда Иден ложилась в постель, Рейф не появился, и она подумала, что он все еще занят. Ей хотелось, чтобы он пришел, лег рядом, прикоснулся к ней, но она так и не дождалась его и заснула в полном одиночестве. Когда Рейф на рассвете проскользнул в спальню и посмотрел на нее, его глаза были холодны как лед.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Август в Индианаполисе был жарким.

В отличие от романа с Рейфом, подумала Иден. Она не понимала, почему он внезапно стал равнодушен к ней. На все ее расспросы он лишь пожимал плечами и говорил, что все в порядке.

Тогда ей в голову пришла мысль об ужине на вилле «Мимоза», куда были приглашены представители деловой элиты. Неужели она нечаянно поставила его в неудобное положение? Она вроде бы не путала вилки и не пила из чаши для омовения пальцев.

Наверное, увидев ее в дешевом платье, украшенную бижутерией, он понял, что она ему неровня. Иден помнила, как Рейф убеждал ее надеть серьги с жемчугом и бриллиантами, которые он ей подарил.

– Я боюсь их потерять, – возразила девушка. – Если ты хочешь, чтобы я надела их лишь для того, чтобы показать всем, как ты богат, давай расстанемся здесь и сейчас.

Иден слишком уважала себя и не хотела, чтобы за ее спиной шептались о том, чем она заслужила такие дорогие подарки.

– Ты стыдишься меня? – спросила она.

– Конечно, нет, – отрезал Рейф. – Почему ты так думаешь?

– Потому что я, в отличие от жен твоих партнеров, не ношу платьев от кутюр и дорогих украшений.

– Ты сама так решила, хотя мои кредитки в твоём полном распоряжении.

– Я знаю, но предпочитаю сама оплачивать свои покупки. Я говорила тебе, что меня не интересуют твои деньги.

– Да, говорила. Я восхищаюсь твоей бережливостью, сага, – произнес Рейф с едва скрываемым цинизмом, – но до сих пор не могу понять, что тебе нужно от меня, кроме секса.

Его жестокие слова ранили ее в самое сердце. Казалось, Рейф намеренно старается причинить ей боль.

Может, он устал от нее и хочет, чтобы их роман поскорее закончился?

Обратно они летели чартерным рейсом вместе с остальными членами команды. Всю дорогу Рейф избегал ее, проводя большую часть времени с главным инженером. Иден была этому рада.

Им нечего сказать друг другу, кроме слов прощания. Он ясно дал понять, что их отношениям настал конец.

Когда самолет пошел на посадку, Рейф сел в кресло рядом с ней и спросил:

– С тобой все в порядке? – Проведя рукой по волосам, он неловко добавил: – Прости, если я был груб с тобой.

– Можешь не утруждать себя. Я знаю, как тебе тяжело признавать свою неправоту.

– Мою неправоту? – яростно воскликнул он, и остальные

удивленно уставились на них. Затем, с трудом взяв себя в руки, продолжил: – Нам нужно поговорить.

Иден невесело рассмеялась.

– Нам нужно было поговорить, – поправила его она. – Сейчас для этого немного поздновато. Не знаю, что я натворила. Ты не захотел рассказать, что тебя гложет, но теперь мне уже все равно.

Очувтившись в главном вестибюле аэропорта, Иден была ослеплена вспышками фотоаппаратов. Хотя Рейф и был национальным героем Италии, сегодня внимание папарацци сосредоточилось на ней.

Дав четкие указания своим телохранителям, Рейф обнял Иден за плечи и устремился к выходу, но фотографы, подобно стае гиен, следовали за ними по пятам. Как же я это ненавижу, подумала Иден, когда кто-то всунул ей в руки свежую газету.

Девушка увидела первую страницу, и ей показалось, что мир перевернулся. Там была самая ужасная фотография, которую Иден только могла себе представить. Снимок, сделанный крупным планом, изображал ее в бикини, с обезображенной шрамами ногой. Но больнее всего ранило фото, сделанное в Венеции. Она сидела, откинувшись назад, в гондоле и улыбалась в камеру, хотя на самом деле эта улыбка предназначалась Рейфу. Один из наиболее романтичных моментов их путешествия был представлен грязным и отвратительным. Иден была похожа на проститутку, предлагающую свои

услуги.

– О боже, – прошептала Иден, и Рейф вырвал газету у нее из рук.

– Не обращай внимания, это ничего не значит.

– Для меня это много значит. Фотографии просто ужасны. Я чувствую себя... обесчещенной. Не представляю, как им удалось сделать снимки. У меня такое ощущение, будто кто-то за нами следит.

– Папарацци есть повсюду. – Рейф помог ей сесть в машину. – Их нежелательное вторжение – часть жизни светского человека.

– Но не моей, – тихо произнесла Иден, пробегая глазами статью, посвященную их роману.

– Жизнь в стеклянной оранжерее, – пробурчал Рейф себе под нос, и Иден показалось, что она где-то уже слышала эту фразу.

– Информация попала к ним в руки не случайно. Кто-то сообщил о нашей поездке в Венецию. Но кто? Об этом знали только мы с тобой. – Иден резко остановилась, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Как он мог так жестоко с ней обойтись? – Рейф, ты не?..

– А я-то думал, что ты мне хоть немного доверяешь, – отрезал он.

– Тогда кто, Рейф? Этот человек хотел унижить меня, и ему это удалось. Кому еще было известно, что мы собираемся в Венецию?

Отцу, шептал Рейфу внутренний голос, но он сразу же от-
мел эту мысль. Нет, такое невозможно. Фабрицио не одобрял
их отношения четыре года назад, но теперь все изменилось.
Во время ужина на вилле его отец был обходителен с Иден.

– Твой отец знал об этом?

Они прибыли на виллу, вылезли из машины и направи-
лись к дому.

– Не вмешивай в это моего отца, – яростно бросил он. –
Ты настолько не уверена в себе, что ревнуешь меня к нему
так же, как ревновала к Джанни?

– Нет, – неистово возразила девушка, – но Фабрицио нена-
видит меня. Для него я всего лишь твоя шлюха. Он сказал
мне это после званого ужина.

– Случайно не во время того разговора, когда ты объяс-
нила ему, что спишь со мной ради того, чтобы заполучить
дом – полагаю, Дауэр-Хаус? Я подслушивал, – добавил он.

У Иден подкосились ноги, и она рухнула на мраморный
пол в холле. Рейф даже не пошевелился – просто стоял и
безразлично смотрел на нее.

– Ты неверно истолковал все, – прошептала она, глотая
слезы. – Фабрицио боялся, что ты женишься на мне, а не на
аристократке. Я уверена, именно твой отец четыре года на-
зад заставил Джанни солгать, и не сомневаюсь, что он сде-
лает это снова. Я пыталась убедить его, что не представляю
угрозы.

– Зачем зря беспокоиться, cara? – холодно произнес

Рейф. – Я и сам мог ему это сказать. Ты последняя женщина в мире, которую я бы выбрал себе в жены.

Сидя за кухонным столом, Иден плакала до тех пор, пока не выплакала все слезы. Рейф скрылся в своем кабинете, громко хлопнув дверью. У нее не было ни малейшего желания говорить с ним. Это пустая трата времени. Она не знала, подслушал ли он ее разговор с Фабрицио целиком или только частично, но, очевидно, этого было достаточно, чтобы осудить ее, не дав возможности объясниться.

– Синьорина. – Знакомый голос отвлек Иден от мрачных раздумий, и она попыталась улыбнуться, когда София, экономка Рейфа, села напротив нее. Они успели подружиться. Иден была удивлена, увидев слезы на ее щеках. – Я во всем виновата, – всхлипывала София. – Вы так расстроены из-за публикации в газете, и это моя вина.

– Но почему вы так думаете? – мягко спросила Идеи, сомневаясь в том, что София сама обо всем рассказала папарацци.

– Синьор Фабрицио как-то зашел сюда и спросил, когда вы едете в Венецию.

Иден положила руку ей на плечо.

– Большое спасибо за то, что вы все мне рассказали, София. Я обещаю, вас не накажут.

Слова экономки только подтвердили ее подозрения. За статьей в газете стоит Фабрицио, подумала Иден, доставая из шкафа свою одежду. Осталось только убедить в этом Рейфа.

Однажды Фабрицио уже удалось их разлучить, но теперь она будет бороться за свое счастье. Несмотря ни на что, Рейф хотел дать их отношениям еще один шанс, и она была уверена, что их близость в Венеции так же много значит для него, как и для нее.

Он был таким нежным, таким любящим, и в ее сердце загорелась искорка надежды. Разве он стал бы относиться к ней с таким вниманием, если бы ему требовался только секс? Она не может уйти, не попытавшись в последний раз бросить мост через пропасть, которая разверзлась между ними.

Когда Иден вечером вошла в столовую, София сообщила ей, что Рейф не присоединится к ним за ужином. Он уехал в спешке час назад и не сказал, когда вернется. К полуночи она вся извелась и начала измерять шагами комнату для гостей, прислушиваясь к малейшему шороху на лестнице. Представив, что Рейф сейчас лежит в постели с какой-нибудь красоткой, Иден не выдержала и спустилась вниз. Услышав шум в кабинете, она бросилась туда. При виде Рейфа, сидящего за столом, у нее перехватило дыхание. Но больше всего поразила пустота в его глазах.

– Ты знаешь, который час? Где ты был? – От облегчения ее голос дрожал.

– Ты больше напоминаешь ворчливую жену, чем любовницу, – пробурчал он, и Иден покраснела.

– Ты пьян?

Рейф взглянул на полупустую бутылку виски и, налив себе

изрядную порцию, залпом выпил.

– А что, незаметно?

Следовало подождать до утра, когда они оба будут в более спокойном расположении духа, но она весь вечер готовилась к этой встрече, и у нее лопнуло терпение.

– Ты должен меня выслушать, – потребовала Иден, подойдя к столу. – Я могу доказать, что за публикацией в газете стоит твой отец. И он заставил Джанни солгать тебе и поцеловать меня, чтобы разлучить нас. Он...

Не успела она договорить, как Рейф поднялся и схватил ее за плечи.

– Сегодня днем у отца случился обширный инфаркт. Врачи сомневаются, что он дотянет до утра.

– О боже, мне очень жаль!

Потрясенная Иден накрыла дрожащие губы ладонью. Что, если она несправедливо обвинила Фабрицио? В глубине души ей было известно, что это не так, но Рейф не станет слушать ее сейчас. В данный момент имело значение лишь здоровье отца, и, желая утешить Рейфа, она коснулась его лица.

Он отпрянул, словно она его ударила, и Иден содрогнулась под его презрительным взглядом.

– И у тебя еще хватает наглости разбрасываться пустыми словами сочувствия, когда мы оба знаем, как сильно ты его ненавидишь! Мой отец при смерти, а ты пытаешься настроить меня против него, – процедил он сквозь зубы. – Зря стараешься, Иден. Один раз ты уже заставила меня сомневаться

в близком человеке, но этому больше не бывать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как солнце может так ярко светить, как небо может быть таким голубым, когда жизнь рушится? – подумал Рейф, выйдя на террасу. Казалось, весь мир равнодушен к его горю. Отец по-прежнему находился в тяжелом состоянии.

– Рейф!

Он напрягся, услышав мягкий голос Иден. Ему хотелось накричать на нее, сказать, что он не нуждается в ее жалости, но она была нужна ему как воздух. Между ними установилось временное перемирие.

– Только что звонили из больницы. Никаких изменений, – сообщила она, подойдя к нему.

– Тебе не стоит ездить туда. Там настоящий сумасшедший дом.

– Я хочу быть рядом с тобой.

Ее сострадание было таким искренним, что у него защемило сердце.

– Ты нужна мне, – нехотя признался Рейф. Он был сильным, гордым, бесстрашным и до сих пор ни в ком не нуждался. Зная, как ему сейчас тяжело, Иден обняла его.

– Тебе нужно поесть и немного поспать.

– Я лягу в постель, если только ты ляжешь вместе со мной.

У Иден пересохло во рту. Его просьба потрясла ее, но она не должна сдаваться.

– Тебе требуется отдых, – напомнила она ему дрожащим голосом. – Увидимся позже.

Через час Рейф присоединился к ней за ужином, но почти не притронулся к еде и снова отправился в больницу.

Следующий день проходил по этому же сценарию, до тех пор пока Рейф не позвонил и не сообщил, что у его отца случился еще один инфаркт.

Иден хотела приехать и поддержать его, но Рейф убедил ее не делать этого, и она легла спать. Девушка долго лежала, прислушиваясь к тишине, боясь, что зазвонит телефон, пока наконец не заснула.

Когда Иден открыла глаза, было три часа ночи. В свете луны она увидела Рейфа, сидящего у нее в ногах. Его плечи ссутулились, лицо выражало такую муку, что сжалось сердце. Ей захотелось утешить его, и она обняла его за шею.

– Как Фабрицио? – неловко спросила она, опасаясь худшего.

– Ему немного лучше. Он сицилиец и так просто не сдается. – В его голосе слышалось обожание, и Иден надеялась, что Фабрицио поправится.

– Я рада, – ответила она, и Рейф повернул голову и поцеловал ее.

– Я хочу заняться с тобой любовью, сага. Ты даже не представляешь, как сейчас нужна мне.

Разве она могла отказать любимому мужчине?

Через несколько дней Фабрицио быстро пошел на поправ-

ку, чем немало удивил родных и врачей. Ему предстоял долгий курс лечения, но его жизни больше ничто не угрожало, и Рейф немного успокоился.

После ночи страсти Иден думала, что теперь их отношения выдержат любые испытания, но Рейф почему-то избегал ее. Должно быть, он сожалел о своем проявлении чувств и надеялся, что она не строит иллюзий на этот счет. Он больше не предлагал лечь с ним в постель, а сделать это самой ей не позволяли остатки гордости.

Гордость – плохой советчик, размышляла грустная Иден, проведя в одиночестве еще одну ночь. Ей так не хватало Рейфа! Он был вежлив и предупредителен, но отчужден, и она ощущала, что конец неизбежен. Их отношениям был причинен слишком большой вред, и они не могли продолжаться.

За день до отъезда в Монако к Рейфу пришел посетитель, которого она приняла за одного из деловых партнеров. После этого визита его отношение к ней только ухудшилось. Во время полета Рейф был внимателен, но Иден не могла пробиться сквозь стену, которую он воздвиг вокруг своего сердца. Да, скоро ей предстоит вернуться в Англию и попытаться склеить осколки своей жизни.

В аэропорту Монако их встретила толпа фотографов. Интерес к Рейфу был подпитан внезапной болезнью его отца. Представители прессы во всем мире гадали, повлияет ли она на его выступление в соревнованиях. Им не стоило беспокоиться, подумала Иден, когда Рейф с невероятной скоростью

первым промчался мимо клетчатого флажка. Впрочем, она сама нервничала так, будто принимала участие в гонках.

Это его жизнь, осознала Иден, наблюдая за тем, как Рейф с видом триумфатора стоит на пьедестале, поливает толпу шампанским и улыбается красоткам, собравшимся вокруг него. Он миллионер, плейбой, весь мир лежит у его ног, и, хотя Иден страстно любила Рейфа, она больше не в силах ездить с ним и ждать, когда наскучит ему.

Когда они вернулись в Милан, он посадил Иден в лимузин, который должен был отвезти ее на виллу, а сам отправился в больницу.

– Может, мне следует поехать с тобой? – спросила она, но Рейф покачал головой.

– Нет, не сегодня. Нам с отцом нужно многое обсудить наедине, – добавил он, внезапно помрачнев.

Больше он ничего не сказал, да и зачем? Она не была членом его семьи, и теперь, когда Фабрицио пошел на поправку, Рейф не нуждается в ее поддержке. Его холодность по отношению к ней доказывала это.

В окнах виллы не горел свет, когда спортивная машина Рейфа въехала в ворота. Несомненно, София уже давно легла спать, подумал он, посмотрев на часы.

А как насчет Иден? Ждет ли она? Следовало бы ей позвонить, но Рейф расстроился после разговора с отцом. Единственным способом снять стресс для него была скорость, и он, должно быть, проехал несколько сотен миль, прежде чем

вернулся домой. Вождение автомобиля всегда успокаивало его, и, сосредоточив все свое внимание на дороге, он не мог думать об Иден и о том, как был к ней несправедлив.

Рейф открыл дверь спальни для гостей, но Иден там не оказалось. На кровати не было постельного белья, и он ужасно испугался, когда обнаружил пустой гардероб. Рейф был готов к тому, что Иден может уйти после всего, что произошло, но не ожидал этого так быстро.

Его сердце бешено заколотилось, когда он увидел полоску света под дверью своей спальни. Он распахнул дверь с такой силой, что она чуть не слетела с петель. На мгновение ему показалось, что Иден решила вернуться в эту комнату, но чемодан, лежавший на кровати, разбил вдребезги все его надежды.

– А я думала, что ты сегодня не приедешь ночевать, – холодно заметила Иден, избегая его взгляда. Присмотревшись повнимательнее, Рейф заметил на ее щеках слезы, и у него защемило сердце.

– И куда я, по-твоему, должен был отправиться, сага? – мягко спросил он.

Она пожала плечами.

– Думаю, в твоей записной книжке нет недостатка в женских именах.

– Ты единственная женщина, которая мне нужна, – заверил он.

– Я тебя умоляю, Рейф, не надо притворяться. Я всего

лишь твоя любовница, и больше никто. Ты ясно дал мне это понять.

– Я был несправедлив к тебе, Иден.

– Я устала от твоих постоянных смен настроения. Никогда не знаешь, чего от тебя ожидать, – продолжила она. – Пока был болен твой отец, я думала, что действительно нужна тебе, но, когда Фабрицио пошел на поправку, ты перестал во мне нуждаться, и твое отношение ко мне в последнее время – тому доказательство.

Нет, это было лишь доказательством того потрясения, которое он испытал, выслушав отчет нанятого им частного детектива. Рейф понял, что за день до того, как они улетели в Монако, он глубоко обидел Иден и она вряд ли когда-нибудь его простит. Кроме того, потребовав, чтобы отец сказал правду, он выяснил, что целых четыре года заблуждался. Чувство вины мучило его, он не знал, как к ней подойти, попросить прощения, и поэтому держался холодно и отчужденно. В свое время он отказался выслушать Иден, а теперь боялся, что сам может попасть в подобное положение.

– Если тебе нужно доказательство моих чувств к тебе, то вот оно. – Рейф подошел к ней, заключил ее в объятия и, несмотря на возражения, поцеловал в губы. – Нам больше не требуются никакие доказательства, – настаивал он. Иден, не в силах сопротивляться, безвольно прижалась к его груди, но слезы в ее глазах сказали Рейфу, что он проиграл эту битву.

– Не спорю, у нас был потрясающий секс, – тихо произнес-

ла Иден, – но я заслуживаю большего. Я не хочу бояться газет, потому что там может быть очередная неприятная статья обо мне. Ты даже не защитил мое имя, Рейф, тебе все равно, кто подослал к нам папарацци в Венеции. Как твоя любовница, я стала общественным достоянием, но с меня хватит.

– Я знаю, кто связался с папарацци, – настойчиво сказал Рейф, когда она взяла чемодан и направилась к двери, – но уверяю тебя, что принял надлежащие меры и это не повторится. Я готов защищать тебя ценой собственной жизни, сага, и обещаю, что ты больше никогда не будешь страдать.

В течение нескольких минут Иден изучала его, словно впервые, и по выражению ее лица Рейф понял, что увиденное ей не понравилось.

– Я тебе не верю, – ответила она тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения, – и хочу уехать домой.

Был конец сентября. Солнце окрашивало каменные стены Дауэр-Хауса в золотистые тона, отражалось на пестрой листве. Больше всего ей будет не хватать сада, подумала Иден, в последний раз входя в дом. Нев позаботится о нем до приезда новых владельцев. Хотя он уверял, что торопиться незачем, она чувствовала, что ей здесь больше нет места.

С замиранием сердца Иден наблюдала за тем, как такси сворачивает на подъездную аллею, ведущую к дому. Странно, но она не верила, что этот день настанет. Девушка до сих пор лелеяла мечту о том, что однажды здесь появится Рейф и признается ей в вечной любви, но в действительности он сей-

час вел борьбу за свой шестой чемпионский титул. Победа в Японии закрепила за ним славу одного из величайших пилотов «Формулы-1» всех времен. Не проходило и дня, чтобы его фотография с новой белокурой красоткой не украшала обложку какой-нибудь газеты.

– Вы готовы, мисс? – весело спросил таксист. – Я положу ваш чемодан в багажник.

– Пойду проверю, не забыла ли я закрыть окна, – пробормотала Иден, злясь на себя за то, что все же уступила желанию в последний раз взглянуть на Дауэр-Хаус. Это место не ее дом, и нечего проявлять такую сентиментальность. Здесь настоящее семейное гнездо, которое должно быть наполнено детьми, и пора забыть пустые мечтания.

Иден нахмурилась, когда услышала голоса, доносящиеся со стороны ворот. Нев непременно сказал бы ей, если бы новые владельцы должны были приехать сегодня. Ее внимание привлекла ярко-красная спортивная машина, рядом с ней она увидела Рейфа и таксиста, вырывающих друг у друга чемодан.

– Вы хотите, чтобы я положил его в багажник? – с вызовом спросил водитель.

– Да! – крикнула Иден, выйдя на улицу.

– Нет! Подождите немного, – потребовал Рейф.

– Когда решите, дайте мне знать, – пробурчал таксист, залез в машину и включил радио.

– Я опаздываю на поезд, – сдержанно произнесла Иден,

хотя внутри у нее все трепетало. – Что тебе нужно, Рейф?

– Пять минут твоего времени, – настойчиво сказал он, и она поняла, что спорить бессмысленно. – Мне казалось, ты любишь этот дом. – Они прошли в гостиную. – Я думал, что ты вернулась ко мне из-за него. Ты ведь это говорила моему отцу, – напомнил он, и Иден побледнела.

– Ты знаешь, почему я это сделала.

– Хотела убедить Фабрицио в том, что наши отношения есть не что иное, как обычная любовная интрижка?

– Да.

– Ты боялась, что он снова разлучит нас, как сделал это четыре года назад с помощью Джанни? – В его голосе слышалась боль.

– Я уверена, он поступил таким образом, считая, что совершает благо. Он хотел, чтобы ты женился на аристократке, а не на дочери викария, – поспешно ответила Иден. Несомненно, Рейфу было очень тяжело, когда он узнал, что отец, которого он боготворил, предал его.

– В действительности он был против наших отношений, так как боялся, что у нас могут родиться больные дети. Ведь твой брат Саймон был прикован к инвалидной коляске.

– Но Саймон повредил позвоночник, упав с дерева.

– Отец не знал этого.

– Понятно, – протянула Иден, тем не менее не понимая, зачем он приехал сюда. – Если тебе больше нечего мне сказать, я пойду...

– Подожди. – Рейф провел рукой по волосам, его глаза сверкали. – Я хочу попросить у тебя прощения, а это, – он достал из кармана куртки конверт и передал ей, – поможет мне загладить вину.

Полистав документы, Иден пристально посмотрела на него и вернула конверт.

– Очень мило с твоей стороны, но я не могу принять такой подарок, – хрипло произнесла она, с трудом сдерживая слезы.

– Это же документы на Дауэр-Хаус. Я приобрел его для тебя.

– Пытаешься откупиться от меня, Рейф? Я оба раза приходила к тебе добровольно.

– Ты самая невыносимая женщина, какую я когда-либо знал. Я купил этот дом не только для тебя, но и для себя – для нас обоих, на то время, что мы будем проводить в Англии.

Дело принимало дурной оборот. Он снова предлагал Иден стать его любовницей, и самым ужасным было то, что она испытывала искушение согласиться.

Взглянув на часы, Иден ответила:

– Прости, Рейф, но меня это не интересует. Если я не успею на поезд, то опоздаю на самолет.

– Я думал, ты едешь в Лондон. Твой друг сказал мне, что ты получила работу в каком-то информационном агентстве.

– Да, но не в Лондоне.

– Тогда где же?

– В Сьерра-Леоне, – ответила она. – Мне заказали серию репортажей о ситуации в стране.

– Только через мой труп, сага. Это слишком опасно.

– Не говори мне об опасности. Я много раз видела собственными глазами, как ты рискуешь жизнью, гоняя на оглушительной скорости ради развлечения.

– Это вторая причина, по которой я здесь. Завтра состоится пресс-конференция, на которой я заявлю, что уйду из спорта. Я хотел, чтобы ты услышала об этом первой.

Рейф не знал, какой будет реакция Иден, но все же он надеялся на радость. Но вместо этого она тупо уставилась на него.

– Думаю, ты немного поспешил, – заметила девушка, и его терпение лопнуло.

– Тебе не угодить! Я купил для тебя этот дом, а ты от него отказалась, бросил ради тебя гонки, а ты ведешь себя так, словно тебе все равно.

Рейф провел рукой по волосам, глядя, как Иден садится в такси. Он понимал, что сейчас решается его дальнейшая судьба и поражение смерти подобно.

– Скажи мне, сага, что я должен сделать для того, чтобы ты ко мне вернулась?

Иден в отчаянии закрыла глаза.

– Ты должен полюбить меня так, как я люблю тебя, – прошептала она, не в силах сдержать слезы. – Это все, что нужно, и единственное, чего ты не мог мне дать.

– Я уже давно люблю тебя, глупышка, – ответил Рейф, и Иден, выскочив из машины, бросилась ему на шею. – Ты любовь всей моей жизни. Я влюбился в тебя в тот момент, когда ты влезла в окно и упала к моим ногам, – мягко произнес он, и она прочитала подтверждение этих слов в его глазах.

Оторвавшись от нее на мгновение, Рейф достал из багажника такси ее чемодан и отпустил недоумевающего таксиста. Затем он обнял Иден за талию и повел в дом.

– Неужели ты действительно отказался от гонок? – спросила она, когда они сели на диван в гостиной. – Это же главное, что есть у тебя в жизни, и я не хочу, чтобы ты пошел на такую жертву ради меня.

– Это никакая не жертва, сага. Я ухожу из спорта, потому что хочу жить с тобой и нашими детьми. – Рейф коснулся губами ее губ. В этом поцелуе было столько нежности, что у нее не осталось сомнений в правдивости его слов. Иден казалось невероятным, что такой удивительный мужчина может любить ее. – Ты выйдешь за меня замуж? – хрипло произнес он, покрывая поцелуями ее шею.

Иден насторожилась.

– Но твой отец...

– Еще четыре года назад я заявил ему, что не женюсь ни на какой другой женщине, кроме тебя. Он знает, что может рассчитывать на внуков только в том случае, если ты согласишься стать моей женой. Поверь мне, он надеется, что ты скажешь «да». – Рейф начал медленно расстегивать ее блуз-

ку.

– Ты тоже надеешься, что я скажу «да»? – поддразнила его Иден.

– Ты моя вторая половинка, владелица моей души, и я люблю тебя всем сердцем. Тебе придется дать согласие, потому что иначе я буду всю оставшуюся жизнь следовать за тобой по пятам, пока ты не сделаешь этого. Поверь, есть куда более приятные способы времяпровождения. – Он продемонстрировал ей один из них, покрыв поцелуями ее грудь.

– В таком случае я не стану впустую терять драгоценное время. Я люблю тебя, Рейф, и согласна стать твоей женой, – прошептала она, глядя в бездонные омуты его глаз.

– Я тоже тебя люблю, cara mia, и буду любить до конца своих дней.